

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 33 (2023)

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА

Симферополь

2023

*Рекомендовано к печати Учёным советом
ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
(протокол №3 от 29.03.2023 г.)*

Редакционная коллегия:

Главный редактор – В. А. Горенкин, заслуженный работник культуры Республики Крым, кандидат политических наук, доцент, ректор ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Заместитель главного редактора – А. Ю. Микитинец, кандидат философских наук, доцент, проректор по научной работе и информационной политике ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Члены редакционной коллегии:

Э. Э. Ибрагимов, доктор экономических наук, доцент

В. И. Нилова, доктор искусствоведения, профессор

Н. Г. Попович, доктор политических наук, кандидат филологических наук, доцент

О. В. Резник, доктор филологических наук, профессор

О. В. Романько, доктор исторических наук, профессор

М. Р. Скоробогатова, доктор педагогических наук, доцент

А. В. Швецова, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Крым

А. Д. Шоркин, доктор философских наук, профессор

Л. А. Штомпель, доктор философских наук, профессор

О. М. Штомпель, доктор философских наук, профессор

О. Б. Элькан, доктор искусствоведения, кандидат культурологии, доцент

Е. В. Команова, кандидат культурологии, доцент

Н. В. Котляревская, кандидат педагогических наук, доцент

О. И. Микитинец, кандидат философских наук, доцент

А. В. Норманская, кандидат культурологии, доцент, заслуженный работник культуры Республики Крым

А. В. Севастьянов, кандидат исторических наук

Г. Н. Гржибовская, заслуженный работник культуры Автономной Республики Крым, – литературный редактор

И. В. Чепурина, кандидат филологических наук, доцент, – ответственный секретарь

В. И. Цирульник – консультант по английскому языку

Таврические студии № 33 / ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма». – Симферополь : ООО «Антиква», 2023. – 74 с.

Учредитель: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-80595 от 15.03.2021.

Журнал включён в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственности не несёт. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

ISSN 2307-8758 (print)

© ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», 2023

© Оформление (оригинал-макет). ООО «Антиква», 2023

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.723+343.97(470)

А. А. Коноплёва, К. А. Осипов

Проявления контркультуры и антикультуры в криминальных организациях (на примере ЧВК «Рёдан» и «АУЕ»)

В статье поднимается проблема развития контркультуры и антикультуры на примере распространённых на территории Российской Федерации криминальных субкультур ЧВК «Рёдан» и «АУЕ». Дается культурологическая характеристика природы их возникновения, специфических свойств, ценностных оснований деятельности. Отмечается, что членами этих организаций чаще всего становятся представители молодежи, что свидетельствует об очевидной опасности. Впервые на основании анализа мифологического восприятия японского аниме предлагается характеристика набирающей популярность в России организации ЧВК «Рёдан».

Ключевые слова: субкультура, контркультура, антикультура, криминальная субкультура, ЧВК «Рёдан», «АУЕ».

Введение. В условиях развития современного общества и государства человек получает одну из самых труднодостижимых ценностей – свободу. Однако, если учитывать философско-правовой контекст восприятия данного понятия, можно отметить, что абсолютная свобода невозможна в силу её ограниченности индивидуальными и социальными потребностями. В ментальном же дискурсе свобода будет реализована в наиболее полном своем воплощении и

скорее приобретет характер самовыражения. При этом ментальные границы самовыражения максимально расширяются не только в связи с трансформациями во внутренних и внешних регуляторах человеческих поступков, но и ввиду развития интернет-пространства, призванного параллельно с разрушением границ в общении стирать их как таковые в принципе.

Традиционно оптимальным способом самовыражения и подчёркивания

собственной «инаковости» являлась принадлежность к субкультуре. Однако, к сожалению, далеко не всегда, раскрывая свой внутренний мир, люди присоединяются к общественно полезным направлениям, приобретая новый социальный статус или достигая определённых результатов в социальных общностях, имеющих отношение к профессии, искусству, спорту, науке. Нередко деятельность в таких образованиях может носить деструктивный характер, что ставит под сомнение социальную значимость субкультур. Изменением функционального назначения субкультур и необходимостью анализа сопутствующих процессов и определяется *актуальность* данного исследования.

Целью исследования является рассмотрение деструктивных проявлений субкультур криминального толка. Реализация цели предполагает выполнение следующих *задач*: рассмотреть особенности современного развития субкультур; выявить тенденции в организации их деятельности; описать характерные признаки организаций ЧВК «Рёдан» и АУЕ. Объектом исследования являются субкультуры криминального толка, предметом – деструктивные проявления, зарождающиеся в организациях, базирующихся на ценностях криминальных субкультур.

Изложение основного материала. Плюрализм взглядов и направлений, характерный для культуры XX – начала XXI столетия, стал причиной многополярности во всех сферах жизни общества. Внедрение демократических принципов, пропаганда свободы творчества и выражения, важности уникальности и неповторимости личности привели к необратимым социальным процессам, под влиянием которых современное общество с лёгкостью можно охарактеризовать как неоднородную, а часто и противоречивую систему. Развитие технологий, тотальная коммерциализация жизни спровоцировали возникновение существенного разрыва между общественными слоями и резкое разделение социума на богатых и бедных. Во

многом это привело к разобщенности и развитию противоположных течений и направлений в культуре [6, с. 134].

Кроме того, современные мировые процессы, вызывающие перманентное пребывание людей в стрессовом состоянии, неуверенность в завтрашнем дне, влекут за собой развитие кризисных явлений в обществе [13], что становится причиной отторжения устоявшихся норм и традиций. В большей мере подобным явлениям подвержена молодёжь, процесс формирования личности которой и взгляды находятся в динамике и в данном возрасте полностью не сформированными. Результат описанных процессов воплощается в возникновении целого ряда субкультур деструктивного характера, которые по своим аксиологическим принципам можно отнести к антикультуре.

Автором термина «субкультура» является Д. Райзмен, который в середине XX столетия определил социальную группу, придерживающуюся норм и ценностей культурного меньшинства [6]. То есть именно множество субкультур формируют целостный образ культуры. Сегодня, проанализировав социальные процессы, можно отметить, что общество состоит из разнообразных культурных образований, которые основываются на общности возраста, пола, предпочтений в искусстве, профессиональных интересов и прочее. Эти критерии являются определяющими в процессе объединения людей. Существование субкультур – проявление культурного плюрализма, разнородности – не означает обязательного конфликта с традициями основной культуры.

Следствием мировых процессов унификации стало возникновение контркультуры, то есть образований внутри основной культуры, своеобразных подсистем, которые выражают откровенный протест какому-либо принципу. Автором термина «контркультура» является профессор Т. Роззак. Согласно его определению, под контркультурой понимается «механизм, направленный одновременно против господствующей

культуры и против цивилизации, в частности против урбанистического индустриализма» [14].

Протест можно рассматривать как одно из проявлений отклонений от нормы. Так, социологи Р. Мертон и И. Коэн именно с культурной разрозненностью связывали существование девиантного поведения. Девиацией принято называть любые отклонения от общепринятых, устоявшихся норм и ценностей общества и культуры. В основе девиантного поведения лежит конфликт, в который индивид или группа индивидов вступают с обществом [7]. Однако данное противоречие изначально не имеет радикального характера. Наряду с существованием личностей, которые воплощают в себе систему позитивных характеристик, девиантность может стать основой для развития деструктивных процессов, которые предполагают совершение деяний, идущих вразрез с действующей общественной моралью и традициями [3].

В этом отношении существование контркультуры можно расценивать как «проявление крайностей», чем отнюдь не всегда наделяют представителей субкультур. Отклонения от нормы, как правило, касаются не самого «ядра культуры» [12], а лишь отдельных её традиций, форм, ценностей, которые рассматриваются представителями субкультур как шаблоны, стандарты, мешающие личности развиваться. Именно на основе этих воззрений возникли контркультуры хиппи, яппи, панки, готы, гламуры, стилиаги, эмо, хипстеры и др. Представители контркультур вырабатывают собственную систему ценностей. Во многом именно контркультуры можно рассматривать как двигатель культурного прогресса. Такое положение в конце XIX века, к примеру, занимали импрессионисты, противопоставившие свой стиль академическому искусству. Вместе с тем критическое, а скорее даже скептическое восприятие их нового подхода к искусству не смогло воспрепятствовать тем изменениям, которые они привнесли. Именно с импрессионизма

и ведёт начало современное искусство. Это свидетельствует о недопустимости игнорировании новшеств, которые обывателями зачастую могут восприниматься как легкомыслие, свойственное молодому поколению.

Что же касается тенденций, то в современном обществе проблемы культурной неоднородности и разобщённости не исчерпываются существованием субкультур и контркультур. Сегодня уместно говорить не просто о переосмыслении культурных традиций, а о противостоянии ценностям ориентирам в принципе. Но если одни объединены на основе, например, любви к мотоциклам или различным жанрам музыки и не представляют опасности для общества, то другие ставят в основу своего совместного существования радикальные, общественно опасные, преступные убеждения, а главным методом их достижения выбирают насилие.

Речь идёт в первую очередь о ценности человеческой жизни, которая ставится под сомнение. К таковым относятся субкультуры, пропагандирующие делинквентное поведение как важное условие членства в них. На сегодняшний день перечень таких не исчерпывается лишь скинхедами, к ним можно отнести гопников, граффитеров и другие социокультурные образования. Если ещё несколько лет назад внимание общественности и правоохранительных органов привлекали так называемые группы смерти, доводящие преимущественно несовершеннолетних до совершения суицида [5], то в наши дни такие организации стали искать методы опосредованного воздействия, которое получает эффективную реализацию, будучи явлением идеологического толка.

В свете актуальных событий особый интерес представляет субкультура ЧВК «Рёдан». Известные среди несовершеннолетних как поклонники аниме, её последователи стали участниками массовых драк «за свой шмот» в торговых центрах России. Представители данной субкультуры отличаются по внешним признакам: «носят брьюки в клетку,

длинные чёрные волосы и одежду с четвёркой на белом пауке. Эта символика взята из популярного японского аниме-сериала «Хантер х Хантер», в котором такие татуировки делали себе члены банды «Пауки». Это аниме – сказка со своими героями и злодеями» [9]. Несмотря на распространённый среди рёдановцев лозунг «За мир во всем мире», они себя активно противопоставляют скинхедам, националистам и гопникам [9]. Следует также отметить, что согласно сюжету аниме, «Пауки» – преступная организация. Члены ЧВК «Рёдан» жалуются на агрессию в их адрес со стороны выходцев из Средней Азии и Кавказа, вызванную внешним видом представителей данной субкультуры.

Говоря об основной идее, заложенной в данной субкультуре, следует прибегнуть к анализу корней её формирования, которые связаны с японской мангой – традиционным для данного государства аниме. В отличие от привычных для западного менталитета комиксов, манга ориентирована не только на детей и несовершеннолетних, но своими сюжетными линиями и идеями давно привлекает внимание молодёжи старшего поколения. Основу манги, как и других видов восточного визуального искусства, составляет система знаков и символов. Обратив внимание на внешний облик представителей ЧВК «Рёдан», отмечаем, что чёрный цвет, преобладающий в одежде представителей данной субкультуры, традиционно символизирует в противовес западной трактовке радости и благородства. В аниме чёрные волосы, которые характерны для жителей Азии, являются «знаком спокойствия, сдержанности, ума и решительности героя» [11, с. 1299].

Паук в мифологической традиции является противоречивым символом. С одной стороны, он олицетворяет творческую деятельность, защиту, мудрость. С другой – холодную жестокость, жадность, колдовские способности. В японской мифологии пауки наделены статусом трикстера и встречаются в нескольких образах: цутигумо (земляной

паук) – гигантский паук с телом тигра и демоническим лицом, дзёрогумо» (кругопряды-нефили и аргиопы) – тораяко – красивая женщина, превращающаяся в гигантского паука, мидзугумо – водяной паук, кумо – паук-оборотень, нуси – паук-хозяин непроточных вод, усиони – водные демоны с бычьей головой и лапами паука [8].

В свою очередь, число четыре в японской культуре символизирует смерть и считается «плохим» числом. Это связано с тем, что произношение данной цифры созвучно слову «смерть» – разница заключается исключительно в интонации. Тетрафобия в азиатских странах выразилась в тотальном избегании данного числа (вплоть до нумерации этажей, парковочных мест, авиарейсов и вагонов метро и железной дороги). В манге даже фигурирует персонаж Гвидо Миста, который страдает тетрафобией.

Сложность контроля за деятельностью представителей субкультуры ЧВК «Рёдан» связана с её распространённостью в интернете. На сегодняшний день изучается вероятность внешней координации деятельности рёдановцев с целью нарушения межнационального согласия, поскольку идентифицировано лицо, проживающее на территории Украины и призывавшее представителей данной субкультуры к разжиганию конфликтов.

Ещё одной характеристикой современных субкультур является изменение их социального значения. Наряду с процессом социализации и ресоциализации, отдельные субкультуры выполняют десоциализирующую функцию, исключая человека из общества, прививая ему антисоциальные черты. Борьба с такими образованиями в культуре осуществляется силами как правоохранительных органов, так и общества в целом. Одной из таких субкультур является запрещённая на территории Российской Федерации организация АУЕ. Аббревиатура «АУЕ» стала использоваться относительно недавно. Она трактуется в двух вариациях: «арестантское уголовное единство» и «арестантский уклад един».

Данная организация подготовила почву для формирования целой субкультуры – поклонников тюремного уклада жизни.

Особую актуальность эта субкультура приобретает в кругу молодёжи. В течение 2022 года на постоянной основе проводились мероприятия, направленные на выявление и пресечение деятельности международного экстремистского движения АУЕ. Численность представителей данной организации стремительно растёт. Так, если в 2021 году количество возбуждённых уголовных дел, где фигурантами были представители этой субкультуры, немногим превышало число тридцать, то уже в 2022 году оно достигло почти ста [4].

Огромную роль в популяризации данного движения играют социальные сети и мировая паутина интернет, где часто можно встретить лозунг: «Жизнь вора, смерть мусорам», пропагандирующий неподчинение представителям правоохранительных органов и неприятие власти в целом. Данные лозунги чаще всего исходят из уст представителей молодого поколения мужского пола. И хотя девушки к таким выражениям прибегают намного реже, это подтверждает факт универсальной ориентации данной субкультуры.

Трудно сказать, в какой именно период истории произошло становление преступного мира, его традиций и обычаев. Можно предположить, что этот процесс связан с появлением государства и права. В России начало развития традиционных криминальных компонентов произошло в XVII веке. Именно тогда были распространены наказания за посягательство на чужую собственность. И это не осуждалось обществом, а напротив, людей, совершавших подобные преступления, восхваляли «за силу духа и воли» [10].

За распространением данного явления сегодня стоят отбывшие в местах лишения свободы преступники 1990-х годов. Однако настоящими ворами их считать нельзя, так как они находятся в местах лишения свободы практически постоянно и не приспособлены к жизни в обществе без нарушения закона.

Для них комфортными для проживания считаются именно места заключения, где они находятся в привычной для них среде. Это не имеет отношения к агитаторам, которые тесно сотрудничают с администрацией тюрем, преследуя цель сократить срок заключения или смягчить свое наказание. За это их и не уважают воры, следующие установленным традициям. Распространители АУЕ заманивают подростков тюремной романтикой и легитимируют в их сознании соответствующие принципы и устои.

Зачастую «общак» данной субкультуры пополняется школьниками и подростками из неблагополучных семей, лишённых родительского внимания, которые охотно перенимают тюремные привычки и принципы у отбывших срок или несколько сроков в колониях и изоляторах. Так, совершенно не окрепший, не добившийся желаемого несовершеннолетний в кругу своих друзей начинает разговаривать на «фене», демонстрируя, что он уже повидал жизнь и может поучать своих сверстников. Именно таким простым образом, «из уст в уста», передаётся информация о субкультуре АУЕ.

Распространение криминальной субкультуры в том или ином коллективе (зачастую в образовательной организации) можно заметить по следующим признакам [2]:

- жесткая групповая иерархия (стратификация, наиболее ярко это проявляется в закрытых молодёжных коллективах);
- обязательность следования установленным нормам и правилам, совмещающаяся с системой отдельных исключений для лиц, занимающих высшие ступени в преступной иерархии;
- наличие враждующих между собой группировок, конкурирующих за сферы влияния (сбыт наркотиков, проституция, оказание «услуг» в виде предоставления покровительства, рынок ритуальных услуг и т. д.);
- распространённость тюремной лирики (стихотворения и музыкальные произведения соответствующей тематики);
- факты вымогательства (денег, продуктов питания, одежды);

– использование в речи уголовного жаргона («пахан», «кича» и др.);

– нанесение специфических татуировок («божья мать», «купола» и др.)

– значительная распространённость фактов как насильственного, так и добровольного гомосексуализма (причем занятие этим в активной форме не считается постыдным, тогда как пассивный партнёр всегда находится на самом низу иерархической лестницы со всеми соответствующими ограничениями, притеснениями, издевательствами и т. д.), физическая и психологическая изоляция их в сообществе;

– появление отмеченных специальными знаками столов для наделённых статусом «обиженных»;

– повсеместная распространённость карточной игры на интерес, то есть с целью извлечения материальной или иной выгоды;

– использование прозвищ в обществе;

– отказ от участия в общественной жизни;

– отказ от работ по благоустройству и некоторых других общественных функций;

– распространённость различных поделок (так называемый ширпотреб – крестики, ножи, браслеты, сувениры с тюремной символикой) и т. д.

В структуре данных криминальных обществ выделяется основная её часть – специализированный под тюремные условия стратификационный элемент, закрепляющий положение того или иного члена преступного сообщества и связанное с этим чёткое распределение функций.

Отмечая опасность данного движения для общества, следует подчеркнуть, что после запрета оно не является формальным. Это усложняет процесс контроля деятельности и вовлечения новых членов. С 2016 года оно признано экстремистским в России и любые его проявления немедленно пресекаются. Опасность состоит в том, что основным методом проецирования тюремных понятий и принципов на общество является насилие. «АУЕшники», как правило, не пытаются объяснить свою позицию

с помощью слов, они прибегают к самому простому для них радикальному методу. За высказывание, противоречащее принципам данного объединения, может последовать массовое избиение «фраера».

Большая часть членов данной субкультуры – школьники и подростки, и масштабы проникновения этого движения в общеобразовательные заведения поражают. По мнению экспертов, к АУЕ себя причисляют сотни тысяч подростков. Это наглядно видно также из социальных сетей. К примеру, сеть «ВКонтакте» в 2022 году пользуются несколько сообществ, посвящённых тематике АУЕ, с общим числом подписчиков свыше 200 тыс. человек [1].

Выводы. Явление контркультур неразрывно связано с проявлениями девиантного поведения, которое находит выражение в создании уникальной системы типа поведения, норм, традиций и даже мировоззрения. Данные девиации не несут в себе угрозы основной культуре, а лишь наполняют её новыми смыслами, обращая внимание на потребности молодёжи и обновляя традиционные формы. Субкультуры и контркультуры тесно связаны с основной культурой, составляют её неотъемлемую часть.

Анализ характерных черт субкультур ЧВК «Рёдан» и АУЕ наглядно доказывает факт существования динамических процессов, обеспечивающих переход из состояния субкультуры и контркультуры в антикультуру. Существование подобных явлений – опасный признак, который свидетельствует о возможности разрушения не только культуры, но и общества как такового.

В современных условиях погружения общества в интернет-пространство и беспрепятственной коммуникации процесс приобщения к субкультуре упрощается, размываются границы субкультур. Это предопределяет необходимость тщательного контроля формирования различных контркультур и, при необходимости, принятие мер по ограничению их деятельности.

-
1. «90% посетителей АУЕ-пабликов – фуцаны». 8 фактов о зловещей блатной субкультуре. – URL: <https://360tv.ru/tekst/obschestvo/ayue-futsons/> (дата обращения: 04.03.2023).
 2. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры / Ю. К. Александров. – Москва: Права человека, 2001. – 152 с.
 3. Буткевич С. А. Предупреждение угроз ментальной безопасности (конструктивный и праксеологический подходы) / С. А. Буткевич // Таврические студии. – 2021. – № 27. – С. 10–17.
 4. В России в 2022 году резко выросло число сторонников экстремистского движения АУЕ. – URL: <https://news.mail.ru/incident/54556338/> (дата обращения: 04.03.2023).
 5. Евтушенко И. И. О совершенствовании уголовно-правовых норм об ответственности за склонение несовершеннолетних к суициду и их защите от деструктивной информации / И. И. Евтушенко, И. О. Кахута // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства: сборник научных трудов участников Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 100–106.
 6. Коноплева А. А. Субкультура, контркультура, антикультура: грани девиантного и делинквентного / А. А. Коноплева // Материалы VIII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции «Феноменология и профилактика девиантного поведения», 5 декабря 2014 г. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014. – С. 134–136.
 7. Никитина Л. Н. Психологические особенности деструктивного поведения несовершеннолетних на примере «групп смерти» / Л. Н. Никитина, А. В. Бойко // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы XII Всероссийской научно-практической конференции, 2019. – С. 124–128.
 8. Новый бестиарий. – URL: <http://bestiary.us/kumo/ru> (дата обращения: 04.03.2023).
 9. Не скинхеды и не антифа: Что такое «ЧВК Рёдан», на которой помешались подростки. – URL: <https://life.ru/p/1561521> (дата обращения: 04.03.2023).
 10. Овчинский А. С. Матрица преступности: монография / А. С. Овчинский, С. О. Чеботарева; под науч. ред. В. С. Овчинского. – Москва: Норма, 2023. – 112 с.
 11. Пономарева Ю. В. Аниме как отражение японской культурной идентичности / Ю. В. Пономарёв // Молодой учёный. – № 9 (89). – 2015. – С. 1298–1300.
 12. Соколов К. Б. Субкультуры и этносы в художественной жизни / К. Б. Соколов // Художественная жизнь современного общества. В 4 т. Т. 1. – Санкт-Петербург, 1996. – 238 с.
 13. Чудина-Шмидт Н. В. Психосоциальная обусловленность протестного поведения / Н. В. Чудина-Шмидт // Протестная активность несовершеннолетних и молодежи: причины, формы и методы профилактики деструктивных и радикальных проявлений. – Симферополь, 2022. – С. 11–18.
 14. Roszak Th. The making of conter-culture. Reflections on the technocratic society and its youthful opposition / Theodore Roszak. – London, 1971. – 243 p.

The novelty of the study lies in the fact that the article raises the problem of the development of counterculture and anticulture on the example of the criminal subcultures of PMC “Ryodan” and “CWIO” widespread in the territory of the Russian Federation. The culturological characteristic of their origin nature, specific properties, value bases of activity is given. It is noted that, most often, representatives of young people become members of these organizations, which indicates their obvious danger. For the first time, based on the analysis of the mythological perception of Japanese anime, the characteristic of the PMC “Ryodan” organization, which is gaining popularity in Russia, is given.

Keywords: *subculture, counterculture, anticulture, criminal subculture, PMC “Ryodan”, “CWIO”.*

УДК 379.8:79

Н. В. Котляревская, А. И. Добрынина

Инновации в социокультурной системе организации досуга молодёжи

В статье дан анализ популярных в молодёжной среде досуговых занятий, рассмотрены инновационные формы досуга молодёжи и их организация в социокультурной системе, предлагается характеристика основных направлений в досуговой структуре. Выявляется значение организации досуга для современного молодого поколения.

Ключевые слова: *досуг, виды досуга, инновационные формы досуга, социокультурная система, экстремальные увлечения, организованный досуг, развлечения.*

Введение. Под влиянием социально-экономических реформ появляется острая необходимость развития новейших досугово-развлекательных технологий и обогащения социокультурной системы организации разнообразных форм отдыха современной молодёжи. Сегодня её досуговые потребности определяются целым спектром социальных навыков и свойств, связанных с мобильным дискуссионным мышлением, присущим молодым людям, поскольку современные технологии мультимедиа определили систему их инновационных потребностей в области поиска информации и её переработки, представляя целое направление досуга в системе социокультурного образования и воспитания личности на основе применения альтернативных технологий.

Объяснение и переосмысление процессов, происходящих в сфере досуга, будет способствовать приобщению молодёжи к лучшим образцам искусства, её самоорганизации в условиях досуга,

выработке свободного выбора культурных занятий, а также формированию более эффективных отдельных досуговых видов. В связи с этим развитие и поддержание инноваций в социокультурной системе досуга подрастающего поколения является важным вопросом, что и обуславливает актуальность данного исследования.

Степень разработанности проблемы. В последнее время отмечается возросший интерес учёных к проблеме изучения свободного времени и досуга. Это подтверждается увеличением количества научных работ, посвящённых данной проблеме, в частности Е. М. Клюско, В. И. Болгова, В. Г. Гуцу, В. Д. Патрушева, А. Д. Жаркова, И. А. Бутенко, а также Ю. А. Акуниной, О. В. Ваниной, Б. А. Трегубова, А. С. Запесоцкого, А. И. Юдиной, В. Я. Суртаева, В. Т. Лисовского, А. Л. Маршака, О. И. Карпухина, Л. Ф. Боженко, М. Е. Илле, Г. П. Орлова, Н. В. Шарковской и др. Достойны внимания и

международные проекты изучения досуга (Б. В. Дубин, Т. З. Зурабишвили). Однако существует и ряд нерешённых проблем в социокультурной системе, например инновационные принципы организации досуга молодёжи.

Объект исследования – система досуга молодёжи. *Предмет* исследования – инновации в социокультурной системе досуга молодёжи.

Целью данного исследования является изучение инноваций и направлений организации досуга молодого поколения в социокультурной системе.

Изложение основного материала. Досуг является одним из важнейших средств формирования личности молодого человека. Он влияет не только на производственно-трудовую деятельность, но и на жизненный ресурс в целом. Как отмечает Г. П. Орлов, «...досуг – это возможные занятия человека в свободное время, с помощью которых удовлетворяются физические, психологические и духовные потребности восстанавливающего характера, а также индивидуальный социальный способ дальнейшего развития человеческих сил» [7, с. 46]. При анализе принципов организации досуга для современной молодёжи автором выявлены следующие критерии: «нерегламентированность, свобода выбора, демократичность, эмоциональный характер, сочетание физической и интеллектуальной, а также творческой, созерцательной и игровой деятельности» [7, с. 68]. Исходя из этой трактовки, можно предположить, что при благоприятном проведении досуга активно восстанавливаются рекреационные процессы. Кроме того, свободное время для молодёжи – это уникальный индикатор её культуры, духовных потребностей и интересов конкретной личности или социальной группы.

К сожалению, в последние годы среди досуговых занятий особенно популярными в молодёжной среде стали экстремальные увлечения – как способ заслужить уважение сверстников, повысить собственный статус. Для подростка быть экстремалом значит не

отставать от времени, прогресса, совершенства. Демонстрируя свои исключительные способности, подросток находит единомышленников в социальных сетях, разделяющих его стремление нарушить запреты взрослых. Исследователем А. И. Юдиной выявлены виды экстремальных увлечений подростков (*руфинг* – прогулки по крышам высотных зданий; *скайуокинг* – покорение самых высоких точек в городе без специального снаряжения; *диггерство* – спуск и изучение подземных коммуникаций; *сталкерство* – посещение и изучение заброшенных мест; *зацепинг* – проезд вне салона электрички или трамвая; *паркур* – «рациональное» перемещение и преодоление попадающихся на пути препятствий (стен, лестниц и т. д.) и другие виды. Экстремальный досуг без соблюдения правил безопасности ведёт к различным социальным рискам, угрозе жизни и здоровью несовершеннолетних. Как альтернативный вариант автором предложены формы организованного досуга с вовлечением молодёжи в различные виды спорта: полёт на парашуте или воздушном шаре; скалолазание; туристические походы; танцы, лёгкая атлетика или спортивная гимнастика [11, с. 149].

Немаловажную роль в популяризации времяпрепровождения играет активное общение молодёжи в социальных сетях Интернета, где виртуальное общение заменяет друзей и родителей. Компьютерные игры формируют особый стиль мышления, иногда – жестокость, агрессию, вседозволенность, отсутствие навыка рационального использования свободного времени.

В своих научных трудах В. В. Туев убедительно обосновал значимость и педагогический потенциал организации социально-культурной деятельности в молодёжной среде посредством клубного общения по интересам. Актуальными и сегодня представляются его рассуждения о том, что «социально-культурная деятельность – это управляемый обществом и его социальными институтами процесс приобщения человека к культу-

ре и активного включения самого человека в этот процесс» [12].

Исследователи Ю. А. Акунина, О. В. Ванина убеждены, что в досуговых занятиях молодые люди ищут прежде всего удовольствие – чувство, которое возникает, когда в сознание поступает информация об удовлетворении потребности, обусловленной биологической программой или социальными стереотипами. По мнению учёных, получение удовольствия не требует вложения большого количества психической энергии, а досуговыми занятиями, позволяющими пережить удовольствие, являются, например, посещение кафе, просмотр лёгкого кинофильма, прогулка в парке, общение в социальных сетях и многое другое. Исследователи предположили, что следующим уровнем в досуговом переживании является ощущение радости, которое достигается только в результате специальной концентрации внимания. Это не только удовлетворение своих потребностей и желаний, но и умение выйти за пределы привычных схем действия, достижение чего-то необычного. Радость возникает на границе между скукой и боязнью не справиться, когда сложность задачи соответствует уровню мастерства, необходимому для её решения. Самым желанным ощущением в досуговом занятии становится ощущение душевного подъёма, отключения от реальности, которое наступает в процессе совершения действий, имеющих чёткую цель и регулируемых определёнными правилами. Так, молодому человеку данное ощущение можно получить, занимаясь серьёзными увлечениями, такими как экстремальный спорт, различные виды состязаний и соревнований, игры, экстремальные путешествия, требующие серьёзной физической, психологической и другой подготовки и временных затрат. Только вовлечение в усложняющуюся совместную деятельность делает человека счастливым, а соревнование – это самый быстрый способ достижения сложности [2, с. 108–109]. Однако авторы отмечают, что только организованный досуг

включает человека в систему различных социальных ролей, положений и отношений, обладает высокой коммуникативной наполненностью, обеспечивает межвозрастное партнёрство. Досуг приручает «непримиримых» и сокращает дистанции взаимодействия.

В современном мире досуг играет особую роль. Он не только отражает инновационные процессы, происходящие в обществе, но и становится «проводником» новаций. Через досуг инновации интегрируются в общество. В данном исследовании мы рассматриваем досуговые инновации, которые существуют в социокультурной системе организации досуга молодёжи и позволяют определить досуговые предпочтения и интересы, ценностные ориентации, социально-культурные формы и мотивацию молодёжи. По наблюдениям Л. Г. Березовой, «новые культурные формы быстро перерастают рамки досуга и становятся формами повседневного поведения, мирозерцания и мировоззрения, претворяются в процессах специализированной культурной деятельности, порождая новые жанры и стили культуры» [3, с. 143]. Проникая через досуг в общественную жизнь, новации распространяются и в другие сферы.

Предлагая досуговые новации, исследователи Г. В. Куличкина и Н. С. Мельникова выделяют новые формы досуга, изменения в содержании досуга, его функциональном назначении и т. д. Предполагая, что досуг – это не просто «свободная деятельность», исключающая всякие общественные условности (ценности, принципы, правила и т. д.), учёные определяют его как деятельность, обусловленную личными потребностями, возможностями, интересами и условиями общественными (традициями, обычаями, нормами и др.) [6, с. 136].

Н. В. Шарковская рассматривает инновационные формы организации досуга как особую смысловую конструкцию, предназначенную для характеристики целенаправленных изменений во внешней структуре досуга, связанную с ви-

доизменённым сочетанием известных форм досуговой деятельности, адаптацией их к современным реалиям, а также с созданием новых, но уже утвердившихся в повседневной действительности форм. Исследователь обращает внимание на инновационные внешние формы организации досуга, базирующиеся на принципах социально-культурной деятельности, такие как: «библионочь», «тотальный диктант», международные молодёжные обмены, компьютерные игры, мультижанровый лонг-фестиваль, квест, велокарнавал, уличный перформанс, интернет-конкурс, виртуальные экскурсии, художественные, книжные ярмарки, фейерверк, цифровые выставки, флешмоб и другие формы [10, с. 136–138].

Досуговое пространство молодёжного общения и взаимодействия обладает огромным воспитательным потенциалом. Так, Ю. А. Акунина и О. В. Ванина одним из инновационных форматов досуга современной молодёжи называют иммерсивные шоу, которые являются новым типом взаимодействия между исполнителем и зрителем через интеграцию последнего в предлагаемые обстоятельства. Это саморазвивающееся действие, где зритель является полноправным участником происходящего, участвуя в творческом процессе. При этом для исполнения роли от зрителя не требуются особые актёрские способности, акцент делается именно на проживание участниками своих ролей. Иммерсивные шоу уникальны и не похожи друг на друга ни по художественно-сценическому оформлению, ни по содержательной компоненте. Как правило, их сценарий уникален и не подлежит тиражированию (иммерсивные спектакли, квесты, психологические поединки, экскурсии) [2].

Исследование актуальных направлений молодёжного досуга и его инновационных форм позволили Г. А. Аванесовой предположить, что досуг становится мощной индустрией, социальным институтом с разветвлённой инфраструктурой и трактуется совре-

менными исследователями как «бизнес в сфере досугового сервиса, как производство продуктов и услуг на современной технической базе с использованием технологий и способов индустриального труда» [1].

Нами проведён анализ инновационных форм досуга для молодёжи в Республике Крым, в результате которого мы выявили наиболее популярные, пользующиеся спросом виды, а именно: мастер-классы, мотивирующие шоу-лекции, образовательные форумы, исторические реконструкции, арт-практики, арт-вечеринки, квесты, флешмобы, квиз-игры, игры виртуальной реальности коучинги, концерт-медитации, стрит-арт, Sharing-мероприятия, киберспорт. Каждый из перечисленных видов развивает культурный кругозор, коммуникабельность, прививает личностно-волевые качества, влияющие на саморазвитие личности молодёжи. На сегодняшний день из вышеперечисленных инновационных досуговых развлечений в Республике Крым активны мастер-классы, арт-вечеринки и квиз-игры. Рассмотрим более подробно их значение и виды.

Термин «*мастер-класс*» происходит от английских «*master*» – высококвалифицированный специалист и «*class*» – занятие. Исходя из этого, интерактивная деятельность направлена на передачу своего опыта специалиста другим интересующимся людям, зрителям [8, с. 132]. Мастер-классы бывают групповые (два человека и более) и индивидуальные, их можно классифицировать по роду деятельности:

- творческие: изобразительные (рисование, пескография); музыкальные (пение, игры на музыкальных инструментах); зодческие (лепка, проектирование); художественно-прикладные (роспись тарелок, стекла);
- спортивные (мастер-классы по танцам, фитнес-упражнениям и др.);
- производственные (на предприятиях или в учебных заведениях с целью наглядного примера технологий производства и обмена передовым опытом).

В отличие от мастер-классов, где главной целью является передача опыта, стимулирование роста имеющегося потенциала, арт-вечеринки имеют развлекательный характер. *Арт-вечеринка* представляет собой форму организации досуга, мероприятие, проводящееся как в общественном помещении, так и на открытом пространстве, где участники под руководством ведущего создают арт-объект, чаще всего картину [4]. Данное направление в сфере досуга ведёт начало от привычных мастер-классов, однако оно сконцентрировано исключительно на раскрытии творческих способностей, а также снятии эмоционального напряжения. Это направление подразумевает организованные вечеринки, где желающие могут заняться не только творческой деятельностью, но и насладиться напитками, фуршетом и танцами.

Квиз-игры по своей организации схожи с арт-вечеринками, поскольку они также могут проводиться в непринуждённой обстановке кафе или ресторана и считаются групповым развлечением, однако они имеют интеллектуальную направленность. Понятие «квиз» (в переводе с английского «quiz» – викторина, командное соревнование на логику, сообразительность и смекалку) [5; 9]. Несмотря на интеллектуальную форму, для участия в нём не нужна дополнительная подготовка, а задания представлены в виде картинок, видео или музыкальных фрагментов. Классификация

квиз-игр заключается в их тематике (кино, мультфильмы, литература, природа, космос, профессии и др.), а также в степени сложности вопросов.

Так, например, в Севастополе, в кафе «Тот ещё бар», каждую среду проходят квиз-игры, а в антикафе «Мирквуд» – киберспортивные мероприятия. Проведённый в рамках данного исследования анкетный опрос жителей города (100 респондентов учебных заведений различного уровня) показал, что 92% молодых людей не имеют понятия ни о данных развлечениях, ни о местах их проведения.

Выводы. Независимо от характера и сферы проявления социокультурная система организации досуга молодёжи призвана решать актуальные задачи популяризации инновационных направлений и форм досуга с ориентиром на особенности, присущие поколению миллениалов, с учётом их природного стремления к инновациям и модернизации. Инновационные формы организационного досуга молодёжи выполняют важные социальные функции, влияют на саморазвитие личности и способствуют культурному воспитанию, коммуникабельности в социуме, выработке новых качеств молодого человека, соответствующих потребностям времени. Однако большинству мероприятий, способствующих развитию индустрии молодёжного досуга в Республике Крым, требуется популяризация с целью привлечения большего количества посетителей.

1. Аванесова Г. А. Культурно-досуговая деятельность: теория и практика организации: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 100103 «Социально-культурный сервис и туризм». – Москва: Аспект Пресс, 2006. – 235.

2. Акунина Ю. А. Инновационные формы молодёжного досуга: тренды современности // Ю. А. Акунина, О. В. Ванина / Современные культурные практики и творческие индустрии. – 2019. – 2 (33). – С. 105–117.

3. Березовая Л. Г. История русской культуры / Л. Г. Березовая, Н. П. Берлякова. – Москва: ВЛАДОС, 2002. – 298 с.

4. Идеи арт-вечеринок // Reveltime [сайт]. – 2022. – URL: <https://www.reveltime.ru/blog/idei/5-idey-dlya-vecherinok-s-risovaniem> (дата обращения: 10.12.2022).

5. Инновации в культурно-досуговой деятельности // Allbest: [сайт]. – 2021. – URL: <https://knowledge.allbest.ru/sociology/2c0b65635b2ad79a4d53a8852120> (дата обращения: 13.01.2023).

6. Куличкина Г. В. Инновационные формы досуга молодёжи (региональный аспект) / Г. В. Куличкина, Н. С. Мельникова // Вестник МГУКИ – 2014. – 1 (57). – С. 135–139.

7. Орлов Г. П. Свободное время и личность / Г. П. Орлов. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1983. – 176 с.

8. Хайрулина А. А. Структура реализации досуговой потребности в системе социального и культурного развития молодежи /А. А. Хайрулина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 2. – С. 131–135.

9. Что такое квиз? // Findquiz: [сайт]. – 2017. – URL: <https://findquiz.ru/post/1-chto-takoe-quiz> (дата обращения: 15.01.2023).

10. Шарковская Н. В. Инновационные формы организации досуга студенческой молодежи / Н. В. Шарковская // Вестник МГУКИ. – 2015. – № 4 (66). – С. 136–140.

11. Юдина А. И. Досуговые предпочтения современных подростков: предупреждение социальных рисков /А. И. Юдина // Вестник КемГУКИ. – 2017. – № 38. – С. 146–152.

12. Tuev V. V. Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' kak ponyatie [Social and cultural activities as a concept]. Uchenye zapiski [Scientific notes]. Moscow, MGUKI Publ., 2001, iss. 23, p. 30.

The article analyzes leisure activities that are particularly popular among young people, considers innovative forms of youth leisure and their organization in the socio-cultural system. The main directions in the leisure structure are studied, their characteristics are given and the importance of leisure organization for the modern young generation is revealed.

Keywords: *leisure, leisure activities, innovative forms of leisure, socio-cultural system, extreme hobbies, organized leisure, entertainment.*

УДК 069:93(477.75)

Н. В. Николаенко, В. А. Шилина

Перспективы и особенности актуализации историко-культурного наследия: организация скансен-музея в Юго-Западном Крыму

В статье представлен проект, транслирующий знания в региональном аспекте деятельности скансен-музеев. Проблема изучения, сохранения, использования потенциала памятников национального достояния является значимым явлением современной музеологии. Основываясь на характеристике перечня уникальных природных и историко-культурных объектов Бодракской долины, авторы предлагают их объединение в формате скансен-музея, что позволит создать в перспективе уникальный заповедный комплекс. Реализация проекта будет способствовать процессу расширения и модернизации музейной сети Республики Крым.

Исследование апробировано в рамках V Международной научно-практической конференции «Этнография Крыма в XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы» (21–23.09.2022).

Ключевые слова: скансен-музей, экомузей, уникальная историческая территория, наследие.

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что проблема защиты, сохранения и рационального использования природного и культурного наследия в его традиционной естественной среде заставляет вести постоянный поиск инновационных принципов, методов, форм. Развитие локальных музеев и туристско-краеведческих организаций требует программных практических решений по модернизации этно- и социокультурных мероприятий.

Предметом исследования являются природные и историко-культурные объекты Юго-Западного региона Крымского полуострова. На основе *метода теоретического анализа* обоснованы возможности создания нового проекта: «Бодрак – гончарный центр».

Объектом исследования является музей под открытым небом – скансен-музей и его деятельность как комплексной формы освоения природного и культурного Крыма.

Цель и задачи данного исследования: 1) выявление основных объектов наследия в Бодракской долине; 2) обоснование практической возможности организации музейного центра; 3) определение роли скансен-музея «Бодрак – гончарный центр» в музейной сети Крыма.

Изложение основного материала. В 1987 г. в монографии «По горному Крыму» Т. М. Фадеева, описывая «пещерные города» и природу Юго-Западной Таврики, отмечала, что сочетание природных и историко-археологических сокровищ естественно превращает этот край в заповедник и это действительно

требует соответствующих юридических прав [16, с. 165]. Автор справедливо указывает на то, что памятники необходимо объединить в единую заповедную территорию. Подобные идеи высказывают и другие исследователи (историки, этнографы, археологи, краеведы), но при этом, как правило, без конкретных предложений, то есть отсутствует научная концепция такой территории как учреждения. Между тем в современной музеологии (в том числе так называемой «новой») разработаны основные положения подобных учреждений, а практические музейные работники уже создали не один десяток интересных заповедных объектов.

В рамках данного исследования авторы попытались очертить основные формы организации единых заповедных территорий с целью обосновать конкретные предложения по устройству (реконструкции) известного крымского гончарного центра в пойме реки Бодрак у села Трудолюбовка (быв. Новободрак). От выбора формы устройства объекта зависит масштаб будущей реконструкции.

В России наибольшее распространение нашли такие формы, как: уникальная историческая (историко-культурная) территория (*УИТ*, *УИКТ*); экомузей; скансен-музей. В общих чертах концепция УИТ–УИКТ базируется на представлении об избранной локации как о целостном, рассредоточенном музее. Труды Т. С. Курьяновой, Ю. А. Веденина, П. М. Шульгина определили ведущие направления и типологию УИТ. Насыщенная памятниками природы, истории, археологии территория рассматривается как уникальная. Создаётся УИТ на основе памятников и самой территории, объективно взаимосвязанной с ними в силу исторических, этнических, экономических и географических факторов [19]. Проблемой организации УИТ является ключевое определение по районированию (зонированию). Решением, на наш взгляд, является создание системы территориальных экокомплексов [7, с. 46]. По

направлениям и формам деятельности УИТ представляют собой музейные учреждения, в определённой степени аналогичные экомузеям по принципам создания, формы бытования памятников и способов их использования [11, с. 142].

Экомузей как заповедник, способствующий сохранению и оценке местного природного и культурного наследия, является перспективным направлением данного сегмента. Российские специалисты А. М. Кулемзин, А. В. Ануфриев, М. А. Полякова, С. И. Сотникова разрабатывают теоретические аспекты, вопросы взаимодействия экомузеев и туристических фирм. Внутренняя типология экомузеев многообразна, в основном это парки-музеи: исторические, этнографические, археологические («археологический ландшафт»). Обыкновенно экомузей развивает сеть специализированных филиалов, действующих автономно. К. Хадсон определил эту форму музейной деятельности как «историю на месте её бытования» [17], то есть это музей, разработанный и учреждённый с целью защиты национального достояния на его исконном месте, там, где оно было создано или обнаружено.

Эффективной формой демонстрации недвижимых памятников истории и культуры является создание *скансен-музеев*. Первый такой «музей под открытым небом» был создан в 1891 г. в Швеции, на холме Скансен, близ Стокгольма (отсюда и название). Создаются такие музеи, как правило, на основе перемещённых объектов из разных территорий в специально приспособленное место либо на территорию, где уже имеется памятник в состоянии *in situ* [4, с. 110]. Первым подобным российским проектом является экспозиция из девяти крестьянских усадеб, представленная в 1923 г. в Москве на Всероссийской кустарно-промышленной выставке. Затем её переместили в село Коломенское, где уже имелись деревянная и каменная архитектура XVI–XVII вв. и музейфицированная Дьяковская археологическая стоянка. Интересным памятником является

и медоварня из села Преображенского – единственная деревянная постройка Москвы XIX ст., сохранившаяся при пожаре 1812 г. [15, с. 180]. Отметим, что крестьянская экспозиция построена по принципу новодела с соблюдением всех деталей устройства усадьбы. Стилистический метод реставрации не рассчитан на полное сохранение всех подлинных деталей памятника, допускает вместо утраченных изготовление новых, похожих на оригинал и получивших название «новодел». Качественная реставрация стилистическим методом не фальсифицирует историчности; использование новодела допустимо при реставрации памятников из недолговечных материалов [4, с. 75]. Отметим, что новоделы успешно применяются не только как отдельные экспонаты, но и как тематико-экспозиционные комплексы.

Именно возможность применения новоделов подсказывает способ устройства (реконструкции) известного гончарного центра в форме скансен-музея. Крымские исследователи А.Г. Герцен и О. А. Махнева в монографии «Пещерные города Крыма» (1989) дают описание данного объекта: «На берегу реки Бодрак, близ села Трудюлюбовка раскопаны печи для обжига керамики – настоящий гончарный центр. Поселение вблизи него не найдено. По всей вероятности, работали сезонно и жили временно рядом с водой и пригодными глинищами» [1, с. 20]. Известно, что жители городища Бакла и его округа помимо земледелия, виноградарства и садоводства активно занимались различными ремеслами. Особенные условия (наличие качественного сырья прежде всего) способствовали развитию гончарного мастерства: «Вся масса керамики, выявленная раскопками и разведками, резко делится на две основные группы: гончарную, представляющую собой ремесленную, и лепную, выполненную от руки в домашних условиях, без применения гончарного круга» [1, с. 19]. С наступлением холодов они покидали это место до следующего сезона. Изготовленная здесь продукция поступала в сёла баклинской округи.

Автор исследования «Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и ранее средневековье)» (1990) И. С. Пиоро замечает, что и на распаханых местными жителями полях в долине, расстилавшейся под Баклой (расположена на возвышенности), в изобилии встречаются обломки глиняных сосудов. В состав населения Юго-Западной Таврики в период раннего Средневековья входили в основном различные группы готских и сармато-аланских племен [10, с. 172].

Интерес представляет устройство гончарной печи. В самом элементарном виде она представляла собой яму, вырытую на склоне холма. Чтобы раскалённые газы отдавали своё тепло керамике, огонь разжигали в длинном, узком тоннеле, а обжигаемую керамику – в глубине скалы на каком-либо возвышении: земляных столбиках или камнях. Помещение перекрывали надёжным сводом из дёрна, тщательно замазывая все щели, оставляя сверху отверстие для тяги (выхода отработавшего дыма). Более сложная печь предполагала очаг в нижней части, отделённой от рабочей камеры перекрытием с отверстиями; на перекрытии стояла доньшками вверх обожжённая посуда. Камера такой прямоточной печи обжигалась неравномерно, сама печь требовала много топлива (более совершенный тип – с оборотным пламенем). Человечество изобрело множество вариантов обжигательных печей, но принцип их действия всегда подобен описанному выше. Сам обжиг был относительно простым процессом, где главное – поддерживать высокую температуру длительное время, чтобы компоненты глиняной массы могли модифицироваться при взаимодействии между собой и окружающей средой. После обжига изделия должны были оставаться на месте до полного остывания стенок печи [18, с. 103].

Несложным является и устройство гончарного круга (изобрели несколько типов). На невысокой вертикальной оси (её нижний конец вращался на своего рода подшипнике) закреплялись:

вверху – диск-столик (из дерева, камня, обожжённой глины), снизу – большой массивный круг из камня. Гончар ногами вращал большой круг и руками работал с глиной на высоком столике – вытягивал форму, создавал объём. В основе данной конструкции лежит сила инерции, кинетической энергии в качестве движения. При создании больших пифосов и амфор в процессе участвовало несколько человек. Амфорная керамика составляет одну из представительных групп керамики на поселенческих памятниках VIII–X вв. в Причерноморье. Горны, в которых обжигались эти амфоры, распространены по всей Таврике [9]. В. А. Суханов определяет 15 таких горнов на объекте Бодрак и отмечает иные гончарные центры в юго-западном предгорье полуострова: в пойменной террасе реки Сухая у села Гончарное (быв. Варнутка) и ближайшем округе – Сарыч, Ласпи, Батилиман, а также у села Любимовка близ Севастополя (в устье реки Бельбек) [12, с. 48]. Любопытный факт: в этом селе в конце XIX в. успешно функционировал частный кирпичный завод Федора Штиля – клеймо «Ф. Ш.» встречается на кирпичах, из которых сложены старые дома в Севастополе и его пригороде. Гончарной керамикой соседнюю Бельбекскую долину снабжали керамические мастерские, обжигательные печи которых находились у села Голубинка (быв. Фоти-Сала) [1, с. 52]. На водоразделе Бельбекской и Ай-Тодорской долин в балке реки Суаткан находился гончарный центр (открыты две печи), выпускавший определённые керамида и плинфы, пользовавшиеся спросом у населения.

Подробно исследованы керамида из раскопок поселения близ крепости Фуна, поселения на плато Тепсень, а также Херсонеса [20, с. 68]. Отметим, что керамическое мастерство на полуострове имеет давние и прочные традиции. В экономике скифского государства это ремесло занимало важное место. Посуда в хозяйстве необходима всегда, а глина была под рукой (возвышенности городища Алма-Кермен и др.

представляют собой обширные выходы четвертичной глины). Поэтому на скифских городищах и селищах встречаются многочисленные обломки лепных горшков (простых и лощёных), иногда с орнаментом. Дошли до нашего времени и целые сосуды различных форм и размеров – от крошечных сосудов-игрушек до больших корчаг, в которых хранили зерно, муку, воду, молоко; в больших количествах производили также разнообразные кувшины с широким или узким горлом, миски и светильники [2, с. 51–52]. Сложные приёмы кирпичной кладки печей свидетельствуют о сравнительно высокой строительной технике, которой достигли скифы в I в. н. э., а также о высокоорганизованном ремесле керамистов.

Предлагаемая авторами данного исследования научная концепция проекта «Бодрак – гончарный центр» предполагает подробное рассмотрение топографии объекта, возможность воссоздания средневекового горна, а также способы их защиты, ограждения и охраны.

Как известно, существует несколько способов показа археологических памятников: а) открытый, когда памятник демонстрируется в своём естественном состоянии, как во время первоначального использования; б) полукрытый, когда для отдельных объектов (наиболее ценных или наиболее уязвимых внешнему воздействию) устраиваются специальные укрытия; в) закрытый, когда над памятником возводят закрывающий его купол; г) павильон, когда над памятником возводится специальное устройство [4, с. 107]. В нашем случае целесообразно прибегнуть к опыту первого музеефицированного в России археологического памятника на Нижнем Дону – античного города Танаис, который входил в состав Боспорского царства. Согласно Д. Б. Шелову, Танаис – «потерянный и найденный город» (Москва: Наука, 1967). На раскопанной территории была создана экспозиция под открытым небом – музейный павильон с выставкой находок, база для научной полевой работы археологов.

При условии реализации предлагаемого нами проекта «Бодрак – гончарный центр» его дальнейшее развитие приведёт к следующему этапу, то есть организации УИТ, что предполагает значительное территориальное расширение [8, с. 25]. Это очевидно, так как рядом с объектом находится средневековое городище Бакла, известный и хорошо изученный археологический памятник. Наиболее ранние культурные слои городища датируются III–IV вв. Не ранее VI в. здесь сооружается первая линия обороны, цитадель (убежище для местного населения), во второй пол. IX – нач. X в. строится вторая линия обороны [13, с. 58–59; 14, с. 55–57]. Обычное сельскохозяйственное поселение в период своего расцвета приобретает отличительные черты провинциального византийского города, что особенно проявилось в XII–XIII вв., когда здесь отмечена плотная городская застройка [5, с. 182].

С X в. население Таврики почти полностью становится христианским – повсеместно возводятся православные, в том числе пещерные храмы [6, с. 30]. Всего на Бакле и в её окрестностях выявлено восемь частично исследованных христианских культовых комплексов, в основном X–XIII вв. Гибель Баклы, как и других «пещерных городов» полуострова (Эски-Кермен, Тепе-Кермен), ряд исследователей связывают с походом в 1299 г. «полчищ Ногая» (по В. Д. Смирнову), правителя правого крыла Золотой Орды. К середине XIV в. жизнь здесь прекращается. В настоящее время на объекте можно увидеть остатки усадеб, оборонительной стены и более 90 пещерных сооружений. Исследования крымского археолога А. Г. Герцена дают нам детальное представление об устройстве бытовых и хозяйственных помещений городища Бакла, а значит, реконструкция временных построек гончарного центра вполне осуществима [1, с. 63–64].

Известны также позднескифские убежища Карагач и Балты-Чокрак, Скалистое II и Скалистое III. У села Кизилровка (быв. Карагач), на вершине холма

(40–50 метров), расположена цитадель городища – сохранилась каменная стена толщиной 3,3 метра, за пределами крепостной стены обнаружено селище, жизнь на котором протекала во II–III в. н. э. [2, с. 85]. В пешей доступности от села Трудолюбовка расположен Бодракский каньон – оригинальный памятник природы: крутостенная долина прорыва реки через Внутреннюю горную гряду (длина 1 километр, ширина 500 метров, глубина 90–100 метров); на склонах выделяются скульптурные формы рельефа, левобережье занято широколиственным лесом и обширными луговинами. Высота горы Бакла достигает 472 метров, на её гребне высится сорокаметровый сфинкс [3, с. 31]. Вблизи, на расстоянии 100–200 метров, находится урочище, где крутой откос куэсты увенчан нуммулитовыми известняками, а на его склонах можно найти раковины ископаемых устриц. В бассейне реки Бодрак (левый приток реки Альма) обнаружены менгиры, уникальные памятники мегалитической культуры, сохранившиеся в лесостепном предгорье. Они представляют собой вертикально вкопанные остроконечные известняковые монолиты [3, с. 142].

Приведённые выше сведения подтверждают факт, что на данной территории расположены многочисленные природные и археологические объекты, которые являются уникальными. Комплекс этих и иных ландшафтных и археологических памятников Бодракской долины соответствует требованиям и критериям УИТ, однако начинать следует именно с организации скансен-музея «Бодрак – гончарный центр». Новый природный и историко-культурный проект, предусматривающий создание такого музея, органично дополнит и разнообразит музейную карту Бахчисарайского района. Также отметим, что при организации их посещения должное внимание будет уделено устроенным экологическим тропам и замкнутым туристическим маршрутам.

Выводы. Рациональное освоение и использование национального природ-

ного и исторического наследия Крымского полуострова является стимулом и немаловажным ресурсом для проведения многопрофильных научных исследований и реализации различных образовательных программ. В частности, организация УИТ в речных долинах Юго-Западного Крыма позволит выстроить систему заповедных природных и историко-культурных учреждений. Перспективный уровень логистики, безусловно, будет способствовать их объединению, а единая концепция планируемой музейной сети предоставит

известные предпочтения туристическим фирмам-партнёрам: организованный эко-этно-археологический туризм как основной вектор хозяйственной эксплуатации УИТ.

Практическое исполнение представленного в настоящей статье проекта под патронатом Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника будет стимулировать интерес общества к краеведению, способствовать сохранению уникальных памятников и созданию в перспективе новых оригинальных музейных проектов.

Перечень использованных топонимов

(При определении топонима использован источник: Гарагуля В. К. Краткий словарь географических названий / В. К. Гарагуля // Крым: путеводитель. – Симферополь: Таврия, 1982. – С. 295–305.)

- Алма-Кермен (тюрк.)* – яблоко + крепость.
Альма (тюрк.) – яблоко.
Ай-Тодор (греч.) – Святой Федор.
Балта-Чокрак (тюрк.) – боевой топор + родник.
Байдары (тюрк.) – великолепный, отличный.
Бакла (тюрк.) – фасоль.
Батилиман (греч.) – глубокий лиман.
Бахчисарай (перс.) – сад + дворец.
Бельбек (тюрк.) – главный / узкий проход.
Бодрак (тюрк.) – родоплеменное образование; плохой, ленивый работник.
Карагач (тюрк.) – чёрное дерево (конкретно вяз мелколистственный).
Ласпи (греч.) – грязь.
Севастополь (греч.) – величественный, достойный.
Тепе-Кермен (тюрк.) – крепость на горе.
Тепсень (тюрк.) – поднос, блюдо.
Фоти-Сала – Фотий (греч.) мужское имя; Сала (тюрк. из греч.) – селение, местность.
Херсонес (греч.) – полуостров.
Эски-Кермен (тюрк.) – старая крепость.

Список сокращений

- АН – Академия наук.
ГИМ – Государственный исторический музей.
КСИА – Краткие сообщения института археологии.
УИТ – уникальная историческая территория.

-
1. Герцен А. Г. Пещерные города Крыма / А. Г. Герцен, О. А. Махнева. – Симферополь: Таврия, 1989. – 104 с.
 2. Высотская Т. М. Скифские городища / Т. М. Высотская. – Симферополь: Таврия, 1989. – 96 с.
 3. Ена В. Г. Краткий географический словарь / В. Г. Ена, Ал. В. Ена, Анд. В. Ена. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. – 264 с.
 4. Кулемзин А. М. Памятники истории и культуры и их охрана / А. М. Кулемзин. – Москва: Юрайт, 2019. – 146 с.
 5. Могаричёв Ю. М. Православные святые средневековой Тавриды / Ю. М. Могаричёв. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. – 240 с.
 6. Могаричёв Ю. М. «Пещерные города» в Крыму / Ю. М. Могаричёв. – Симферополь: Сонат, 2005. – 192 с.

7. Николаенко Н. В. Перспективы становления уникальных исторических территорий как комплексной формы освоения и управления природным и культурным наследием Крыма / Н. В. Николаенко, А. А. Шелягова // Таврические студии. – 2022. – № 29. – С. 45–53.

8. Николаенко Н. В. К проблеме рационального использования потенциала природного и культурного наследия Крыма: особенности развития на основе концепции уникальной исторической территории / Н. В. Николаенко // Этническая культура. – 2022. – Т. 4. – № 1. – С. 24–30.

9. Паршина Е. А. Гончарные центры Таврики VIII–X вв. / Е. А. Паршина, И. Б. Тесленко, С. М. Зеленко // Морская торговля в Северном Причерноморье: сб. науч. ст. – Киев: Наукова думка, 2001. – С. 52–81.

10. Пиоро И. С. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в поздне-римский период и ранее средневековье) / И. С. Пиоро. – Киев: Лыбидь, 1990. – 200 с.

11. Сотникова С. И. Музеология / С. И. Сотникова. – Москва: Дрофа, 2010. – 190 с.

12. Суханов Е. В. Глинистое сырьё средневековых «Причерноморских» амфор (к вопросу о районах производства) / Е. В. Суханов // Вестник Волгоградского университета. – Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 24. – № 1. – С. 47–60.

13. Талис Д. А. Раскопки Баклинского городища в 1961–1969 гг. / Д. А. Талис // КСИА АН СССР. – 1969. – Вып. 10. – С. 57–63.

14. Талис Д. А. Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории горного Крыма в IV–IX вв. / Д. А. Талис // Археологические исследования на юге Восточной Европы. – Москва: ГИМ, 1982. – С. 55–57.

15. Тельтевский П. А. Московские шедевры / П. А. Тельтевский. – Москва: Московский рабочий, 1983. – 239 с.

16. Фадеева Т. М. По горному Крыму / Т. М. Фадеева. – Москва: Искусство, 1987. – 173 с.

17. Хадсон К. Влиятельные музеи / К. Хадсон. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 194 с.

18. Херсонес: путеводитель по музейным залам и раскопкам / гл. ред. Т. Ю. Яшаева. – Севастополь: ЛПИМ, 2005. – 148 с.

19. Шульгин П. М. Культурный фактор в региональной политике / П. М. Шульгин // Экология культуры: сб. статей. – Москва, 2000. – С. 35–43.

20. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики / А. Л. Якобсон. – Москва: Наука, 1979. – 164 с.

The article presents a project that transmits knowledge in the regional aspect of the activity of skansen museums. The problem of studying, preserving, using the potential of monuments of national heritage is a significant phenomenon of modern museology. Based on the characteristics of the list of unique natural, historical and cultural objects of the Bodrak Valley, the authors propose to unite them in the format of a skansen museum, which will make it possible to create a unique protected complex in the future. The implementation of the project will contribute to the process of solving and modernizing the museum network of the Republic of Crimea.

The study was tested within the framework of the V International Scientific and Practical Conference “Ethnography of the Crimea in the 19th–21st centuries. and modern ethno-cultural processes” (21–23.09.2022).

Keywords: skansen museum, eco-museum, unique historical territory, heritage.

УДК 008:130.2

Э. Э. Ибрагимов, И. Э. Авдиль

Культурное наследие как ресурсная база развития туризма в регионе

В статье изучены теоретические аспекты культурного наследия как социокультурного феномена и ресурсной базы развития туризма в регионе. Обоснована роль культурного наследия Крыма в актуализации роли развития туризма в регионе.

Ключевые слова: культура, туризм, культурное наследие, социокультурный аспект, культурно-познавательный туризм.

Введение. Развитие туризма в Республике Крым как высокодоходной отрасли экономики и важного средства культурного и духовного развития населения приобретает все большее значение для повышения качества жизни, создания дополнительных рабочих мест, увеличения денежных поступлений в бюджет, повышения авторитета региона как центра развития индустрии туризма и гостеприимства в России. Наличие мощного туристического потенциала региона, в структуре которого весомое место занимают историко-культурные ресурсы, способные обеспечить формирование и развитие мощной региональной туристской дестинации, а также культурное многообразие и историческая уникальность Крыма являются важной основой для обеспечения его ведущих позиций на отечественном туристическом рынке.

Культурное наследие Республики Крым представляет собой универсальную ценность, поскольку является ярким воплощением культурного

многообразия региона, его истории и этнических особенностей. Поэтому важно не только его сохранять, но и наполнять новыми формами, передавать будущим поколениям. Новое понимание культурного наследия расширяет перспективы туристических объектов как ресурса регионального развития, а также усиливает их влияние на социокультурную сферу региона. Использование инноваций в освоении туристических территорий всё чаще происходит именно за счёт культурного наследия, имеющего не только материальное воплощение в виде историко-культурных и природных ресурсов, но и творческого потенциала. Формируя потоки туристов, он способствует образованию нового социокультурного пространства за счёт новых туристических объектов и накопления неповторимых впечатлений и опыта в местах проведения креативных мероприятий.

Значение культурного наследия заключается прежде всего в выявлении культурных констант идентичности

определенного региона как сочетания определённых детерминант физического пространства. Культурное наследие нередко определяет направление развития туризма в регионе, влияя таким образом на появление новых туристских дестинаций и маршрутов, что привлекает внимание отечественных и зарубежных специалистов в сфере туризма и развития креативных индустрий. Это актуализирует вопросы выявления потенциала культурного наследия как ресурса развития региона и необходимость выработки стратегий, связанных с долгосрочным прогнозированием развития территории.

Изменение подходов к оценке влияния культурного наследия на формирование приоритетов на рынке креативных индустрий, в том числе и туристской отрасли, значимости инновационной составляющей в процессе предоставления туристических услуг требуют новых направлений взаимоотношений в дестинации на региональном и локальном уровнях, механизмов освоения культурного капитала определённой территории. В этом контексте существенное значение приобретает необходимость научного исследования инновационных моделей освоения культурного наследия Республики Крым и выработки приоритетов модернизации туристических дестинаций для взаимодействия туристической и социокультурной сфер.

Постановка проблемы. В современных условиях культурный туризм составляет около 37% международного туризма и генерирует не менее 35 млн ежегодных международных туристических поездок. Увеличение потока в страну туристов в сфере культурного туризма на 1 млн человек приводит к приросту валютных поступлений в среднем на 1 млрд долл. [12]. По прогнозам экспертов, в ближайшем будущем ведущее место среди самых перспективных видов туризма займут деловой и культурно-познавательный туризм. Учитывая это, проблемы развития культурного туризма, его влияние на культуру, мировую экономику, эко-

номику конкретных стран и регионов приобретают особое значение.

Туристическая сфера в наше время является быстро прогрессирующей и способствует активному экономическому развитию во многих странах мира. Развитие туристической отрасли способствует увеличению поступлений в бюджет, созданию новых рабочих мест, развитию инфраструктуры, строительству новых туристических объектов, восстановлению культурного наследия, сохранению окружающей среды. Вместе с тем на развитие туристической отрасли отдельной страны влияют мировые тенденции развития туризма. Учёт потребностей и мотиваций различных категорий туристов способствует более полному использованию культурного потенциала территории страны, делает культурное наследие регионов доступным большому сегменту посетителей, реализуя образовательную функцию туризма. Именно необходимо изучать как теоретические вопросы культурного наследия, так и его ресурсную базу на территории Республики Крым.

Анализ последних исследований и публикаций. Отечественными исследователями отмечается ведущее положение культурологической составляющей в системе туристской деятельности. Специфика взаимосвязи туризма, культуры, культурного наследия и ландшафтов в регионе отражена в работах А. С. Гализдры, Т. И. Гуровой, Д. А. Дирина, И. П. Конева, А. С. Кускова, М. Маццанти, С. Мурато, К. Х. Нгуен, Ю. С. Пурика, М. Робинсона, Э. Филиппса.

Проблемам изучения культурного наследия и специфике культурного ландшафта Крыма посвящены работы Д. С. Берестовской, И. А. Андрющенко и других исследователей.

Необходимость обеспечения эффективного развития региональных социально-экономических систем усиливает актуальность исследований отрасли туризма и гостеприимства для поиска резервов формирования мощных туристических дестинаций и превращения туристической отрасли в один из важ-

нейших источников наполнения регионального бюджета.

Целью исследования является изучение культурного наследия как ресурсной базы и направлений его влияния на развитие туризма в регионе.

Объектом исследования выступает культурное наследие как ресурсная база развития туризма в регионе. *Предмет* исследования – влияние культурного наследия на развитие туризма в Республике Крым.

Изложение основного материала.

Туристская отрасль традиционно является одной из ключевых в экономике Крыма. Она обеспечивает социально-экономическое развитие региона за счёт использования его уникального природно-ресурсного потенциала, являясь при этом основным стимулирующим фактором для развития других сфер экономической деятельности – торговли, общественного питания, транспорта, связи, сельского хозяйства, строительства и др. Также индустрия туризма выступает одним из основных источников формирования доходов регионального бюджета, способствует обеспечению занятости населения, развитию институтов социально-культурной сферы и повышению качества жизни граждан. Именно поэтому формирование современной туристской дестинации в Крыму, соответствующей критериям конкурентоспособности, востребованности и круглогодичности, является в настоящее время важным стратегическим приоритетом социально-экономического развития Республики Крым.

Понятия и термины, связанные с проблематикой культурного наследия, получили широкое распространение в отечественной научной литературе со времени ратификации Советским Союзом в 1988 году Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятого в Париже в 1972 году на Генеральной конференции ООН по вопросам образования, науки и культуры [9]. С тех пор понятие «культурное наследие» конкретизируется в рамках международных и государствен-

ных нормативно-правовых и других документов, вводится в юридический оборот и становится самостоятельным общепотребительным правовым понятием, которое широко используется в литературе и на практике.

Поскольку существует значительное количество различных дефиниций и характеристик культурного наследия, определяемых целями и задачами, стоявшими перед исследователями, начнём рассматривать их и анализировать из толкования термина «культурное наследие», приведенного в ст. 1 вышеупомянутой Конвенции, по трём категориям:

– *памятники*: произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы и структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки;

– *ансамбли*: группы изолированных или объединённых зданий архитектурой, единство или связь с пейзажем которых является универсальной ценностью с точки зрения истории, искусства или науки;

– *достопримечательные места*: произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включающие археологические достопримечательности универсальной ценности с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии» [9].

Содержание культурного наследия зафиксировано в различных нормативных документах Российской Федерации: «Культурное наследие – это материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, сохраняющие и развивающие самобытность государства, его народов, а также отражающие их вклад в мировую цивилизацию» [2].

К объектам культурного наследия народов Российской Федерации относятся:

– объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями декоративно-прикладного искусства, скульптуры, живописи и т. п;

- объекты науки и техники;
- другие предметы материальной культуры, возникшие вследствие исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры [1].

В научной постсоветской среде первые фундаментальные шаги по формированию понятийного аппарата культурного наследия связаны с созданием в 1992 году Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия (с 1999 года – им. Д. С. Лихачева). В частности, согласно концепции, разработанной специалистами Института, наследие – это «система материальных и интеллектуально-духовных ценностей, созданных и накопленных предыдущими поколениями и представляющими исключительную важность для сохранения культурного и природного генофонда Земли и его дальнейшего развития» [3].

Территориальный аспект в подходах к определению культурного наследия развивают Ю. А. Веденин, Ю. Л. Мазуров, Е. В. Евдокимова и др. Ю. Л. Мазуров отмечает, что наследие является историко-географическим феноменом, отражающим историю природы и общества, и имеет пространственную выразительность во множестве различных проявлений [11]. Е. В. Евдокимова, в свою очередь, отмечает, что способность иметь наследие – это одно из свойств территории, ценность которой определяется плотностью памятников, особенностями их территориальной дифференциации [6].

Информационно-временной аспект в определении понятия культурного наследия подчеркивают Д. С. Лихачев, М. Е. Кулешова, А. В. Лисицкий. В частности, Д. С. Лихачев в своём проекте Декларации прав культуры понимает под «культурно-историческим наследием

форму закрепления и передачи совокупного духовного опыта человечества». При этом он выделяет её составляющие:

- язык, идеалы, традиции, обычаи, обряды, праздники, памятные даты, фольклор, народные промыслы и ремесла;

- произведения искусства, музейные, архивные и библиотечные фонды, коллекции, книги, рукописи, письма, личные архивы;

- памятники археологии, архитектуры, науки и искусства, памятные знаки, сооружения, ансамбли, достопримечательности и другие свидетельства исторического прошлого;

- уникальные ландшафтные зоны и местности археологического, исторического и научного значения, общие произведения человека и природы, современные сооружения, представляющие особую ценность из взгляда истории, искусства или науки, а также другие предметы и явления, обладающие историко-культурной ценностью [5].

М. Е. Кулешова предлагает относить к культурному наследию общественно признанные материальные и духовные ценности, которые сохраняются обществом и передаются следующим поколениям и в своей совокупности составляют информационный потенциал человечества. К обязательным атрибутам культурного наследия исследователь относит значимость и сохранность.

Для решения управленческих задач её объекты разделены на следующие основные группы:

- единичные памятники истории и культуры, ансамбли и комплексы памятников с их природно-историческим окружением;

- культурные ландшафты;

- формы живой традиционной культуры [8].

Углубляя идею информационного императива в определении наследия, А. В. Лисицкий характеризует её как сложную социокультурную систему, которая несёт информацию, изменяющуюся во времени и пространстве и функционирует под действием синергических законов [10].

И. В. Зорин и В. А. Квартальнов определяют культурное наследие через призму её использования в туристской индустрии и на основании этого предлагают следующую классификацию:

– достояние, которым пользуются в основном туристы (фестивали, спектакли, достопримечательности, районы и т. д.);

– достояние смешанного пользования (менее значительные исторические памятники и музеи, театры, заповедники, места, которые посещают экскурсанты и др.);

– достояние, которым пользуется в основном местное население (объекты религиозного культа и гражданские сооружения, кинотеатры, библиотеки и тому подобное) [7].

Исследуя взаимосвязь между использованием культурного наследия и развитием туристской индустрии, следует отметить, что культура стала одним из основ туристического продукта в 1980-х годах, на которые приходится и появление самого термина «культурно-познавательный туризм». В этот период доминировала модель пляжного отдыха, начавшая утверждаться с 1950-х годов, когда происходит активный процесс формирования рынка туристических услуг.

Однако активно предлагаемый на рынке курортный отдых как ведущая форма организации досуга начал обнаруживать признаки упадка. В процессе роста материального благосостояния жители развитых стран выразили свой протест против массового, стандартизированного потребления. Среди жизненных приоритетов стали называть возможность самореализации и саморазвития. Возникновение новых типов поведения в потребительском обществе было оперативно использовано туроператорами, которые всё чаще начали предлагать «культурный продукт». Его лейтмотивом становится бережное отношение к окружающей среде, самобытной культуре и традициям местного населения, ориентация на познание и духовное усвоение культуры мира, поиск исторической идентичности, являющейся экзистенциальной потребностью человека.

Со временем культурно-познавательная составляющая становится неременным императивом любого путешествия, а увлечение прошлым – «очарование историей» – характерным признаком современной жизни. Культурно-познавательный туризм находится на пересечении гуманитарной сферы и сферы бизнеса, поэтому указанный «культ прошлого» развивается во вполне прагматичной плоскости бизнеса. Речь идёт о том, что спрос на потребление культурных ресурсов вызвал целенаправленную актуализацию прошлого; культурные различия территорий встали в основе вполне реальных конкурентных стратегий многих городов мира.

Рассматривая культурно-познавательный туризм как симбиоз экономики и сферы культуры, надо подчеркнуть, что он предполагает не только знакомство с культурным наследием туристической дестинации, но и включение туриста в современную культурную среду – активное участие в культурных событиях и практиках, характерных для данного региона.

Соответствующий взгляд на культурно-познавательный туризм представлен и в документах Международного совета по охране памятников и достопримечательностей, где отмечается, что культурно-познавательный туризм – это вид туризма, цель которого заключается в знакомстве с культурой и культурной средой места посещения, включая ландшафт, знакомство с традициями жителей и их образом жизни, художественной культурой и искусством, различными формами проведения досуга местных жителей. Культурно-познавательный туризм может включать посещение культурных мероприятий, музеев, объектов культурного наследия, контакты с местными жителями [4]. Это позволяет утверждать, что успех проектов культурного туризма зависит не только от охранной деятельности в сфере культурного наследия, его сохранения и популяризации, но и от культурной политики по созданию новых ценностей территории, в том числе на основе наследия.

В условиях глобализации и цифровизации современного мира культура становится одним из приоритетов социально-экономического развития, а культурная политика рассматривается в качестве эффективного инструмента обеспечения лидерства. Как отмечает академик Ю. М. Пахомов, в конкурентную среду всё более вовлекаются не только экономические факторы, но и «ценностные составляющие поведения, присущие одной стране или цивилизации в целом». Именно ценностные факторы, то есть «факторы культуры и жизненных смыслов», стали определять результат конкурентной борьбы» [13]. На практике это проявляется в том числе в лоббировании муниципалитетами крупных культурных программ и проектов, которые создают «атмосферу территории» и формируют её бренд, особый характер, повышая тем самым её ценность.

Подобного рода актуализация местной культуры происходит в виде реализации коммерческих проектов культурно-познавательного туризма с чёткими экономическими расчётами. Среди хрестоматийных примеров – австрийский город Вена, который гордится Вольфгангом Амадеем Моцартом не только как гениальным композитором, но и как уникальным туристическим брендом. Отели и кафе, улицы и площади, многочисленная сувенирная продукция – всё это пронизано именем великого композитора. Особым спросом пользуются гастрономические изделия – шоколад, конфеты, печенье, чай, ликёры. Эти товары имеют большой успех среди туристов и приносят прибыль австрийской столице [12].

Процесс капитализации культуры через туризм охватил не только крупные мегаполисы, политические и культурные столицы, но и невыразительные, в смысле культурного потенциала, административные единицы.

Как метко замечает один из основателей концепции территориального маркетинга Филипп Котлер, сегодня даже «пустые места» приобщаются к созданию новых концептуальных па-

мятников [12], способных стать «визитной карточкой» туристских дестинаций. Не случайно сейчас наблюдается настоящий бум появления больших и малых тематических городов – событийных, музыкальных, театральных, гастрономических и др. Культивируемые на основе культуры идеальные измерения пространства превращают туристическое путешествие в яркое культурно-познавательное событие.

Говоря о роли туризма в социально-экономическом развитии территорий, о его возможностях капитализации культурного наследия, следует отметить, что он также располагает колоссальными коммуникационными, познавательными и ценностными средствами воздействия на туристов. Опираясь на национальную культуру, туризм в существенной степени способствует распространению определённых стереотипных определений о целой нации. Сегодня почти каждое государство имеет свой национальный «канон культурных памятников», за которыми закрепляется статус «святынь», культурных брендов нации [4].

Культурно-познавательный туризм не только представляет национальную культуру мировому сообществу, но и конструирует национальную идентичность внутри страны и региона. Для России в целом и Крыма в частности государственная политика в гуманитарной сфере сконцентрирована на консолидации и развитии национальных интересов, формировании исторического сознания, традиций и культуры.

Указанное измерение культурно-познавательного туризма имеет также важное общественно-политическое значение. Особенно это касается патристического воспитания молодёжи. Ознакомление с историко-культурными достижениями страны актуализированными средствами культурно-познавательного туризма позволяет наглядно осознать место и роль истории собственного народа в современном мире.

Современная философия путешествия превращает культуру в важнейший императив туристического раз-

вития. Аутентичность определенной региональной среды даёт региону возможность занять высокое место в рейтинге туристической привлекательности. Итак, создание благоприятной среды для активизации культурных индустрий и формирования на основе культуры качественного туристического продукта является одной из первоочередных задач развития экономики Республики Крым.

Культурное наследие Крыма, сформированное на протяжении длительного исторического периода представителями различных этносов, составляет значительный и своеобразный пласт мирового культурного достояния. Это широкая панорама историко-культурных объектов – древнегреческие города-государства и «пещерные города», оборонительные сооружения и крепости, древние храмы и достопримечательности, мемориальные дома и комплексы, кладбища и отдельные захоронения, заповедники и музеи. Здесь расположены памятники европейской цивилизации, а также множество жемчужин исламской художественной культуры и выдающихся образцов архитектуры.

Республика Крым обладает значительным историко-культурным потенциалом, способным обеспечить реализацию важных стратегических задач развития региональной туристской дестинации. Однако для расширения потребительской аудитории и повышения туристической привлекательности региона современные туристические продукты должны создаваться и развиваться по принципу «4D», включающему языковую, содержательную, стоимостную и физическую доступность. Языковая доступность реализуется возможностью слушать экскурсии на разных языках, содержательная – разнообразием методов представления информации (например, квест-экскурсии и театрализованные экскурсионные шоу с возможностью участия в них экскурсантов), стоимостная – благодаря максимальному учёту платежеспособности основной целевой аудитории соответствующих

туристических продуктов, а физическая – наличием определённых инфраструктурных атрибутов, в частности пандусов, вело- и автопарковок, остановок общественного транспорта.

При разработке туристских продуктов на основе культурного наследия необходимо учитывать мотивы (духовное развитие, любительские увлечения, заинтересованность специалистов) конкретной целевой аудитории, а именно школьников, студенческой молодёжи, людей «серебряного возраста», специалистов, учёных, людей с ограниченными физическими возможностями и т. д. Для того чтобы избежать конфронтации между охранной деятельностью (главная задача государства по сохранению культурно-исторического наследия) и коммерческими целями, формирование регионального туристического продукта на основе историко-культурного наследия должно осуществляться на основе согласованного сотрудничества институтов сферы культуры, органов самоуправления, туристических и общественных организаций.

Выводы. Развитие туризма в Республике Крым является необходимой составляющей формирования современной региональной экономики, а также предстает важным фактором консолидации общества, гуманизации отношений между людьми. Опираясь на собственные ресурсы, туризм способствует созданию новых систем ценностей, стиля жизни и новой идентификации для граждан региона. Развитие культурно-познавательного туризма способствует решению социальных конфликтов между населением различных территорий, поскольку по своей природе оно требует временного перемещения туристов от места жительства в регионы размещения туристических объектов. Таким образом формируются коммуникационные связи между жителями регионов туристических дестинаций и регионов постоянного проживания туристов, положительный имидж региона, целостное восприятие страны и культурного наследия.

Эффективное и рациональное использование историко-культурного наследия в создании региональных туристических продуктов является важным фактором развития туристических дестинаций, стимулирования межрегиональных и межгосударственных коммуникаций, роста занятости населения, улучшения работы по охране памятников истории, повышения культурного уровня населения.

1. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ // Справочная система «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 20.11.2022).
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон Российской Федерации от 09.10.1992. № 3612-1 // Справочная система «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 20.11.2022).
3. Веденин Ю. А. Необходимость нового подхода к культурному и природному наследию России / Ю. А. Веденин // Актуальные проблемы сохранения культурного и природного наследия. – Москва: Институт Наследия, 1995. – С. 7.
4. Гордин В. Э. Роль сферы культуры в развитии туризма в Санкт-Петербурге / В. А. Гордин // Санкт-Петербург: многомерность культурного пространства: материалы научно-практического форума, 29-30 октября 2018 г. – Санкт-Петербург, 2019. – URL: <http://test.hse.spb.ru/info/personal/gordin.aspx> (дата обращения: 21.11.2022).
5. Декларация прав культуры: (проект) / Пушкинский Дом РАН, СПбГУП. – Санкт-Петербург: СПбГУП, 1995. – 15 с.
6. Евдокимова Е. В. Особенности формирования историко-культурного и природного наследия Смоленщины / Е. В. Евдокимова // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: материалы 11-й Международной конференции молодых учёных (27–30 декабря 2000 г.). – Санкт-Петербург, 2000. – С. 473–477.
7. Зорин И. В. Энциклопедия туризма: справочник / И. В. Зорин, В. А. Квартальнов. – Москва: Финансы и статистика, 2018. – 368 с.
8. Кулешова М. Е. Понятийно-терминологическая система «природное и культурное наследие»: содержание и основные понятия / М. Е. Кулешова // Уникальные территории в культурном и природном наследии регионов. – Москва: РНИИ культурного и природного наследия, 1994. – С. 40–46.
9. Лаврентьев Н. В. Тридцать лет ратификации СССР Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия 1972 г. / Н. В. Лаврентьев // Международный научный симпозиум НК ИКОМОС. – Великий Новгород, 2018. – URL: <http://icomos-spб.ru/component/joomdoc/30yearsRatification.pdf/download> (дата обращения: 20.11.2022).
10. Лисицкий А. В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / А. В. Лаврентьев / Российская академия Государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва, 2004. – 151 с.
11. Мазуров Ю. Л. Природное и культурное наследие как фактор развития природопользования: вопросы методологии и практики управления: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук: 25.00.24 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2006. – 28 с.
12. Котлер Ф. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер / пер. с англ. М. Акая. – Санкт-Петербург, Стокгольм: Школа экономики в Санкт-Петербурге, 2015. – 376 с.
13. Пахомов Ю. М. Система ценностей как фактор конкурентоспособности стран в глобальном мире / Ю. М. Пахомов // Экономика рыночных отношений. – 2018. – № 1 (1). – С. 38–45.

The article examines the theoretical aspects of cultural heritage as a socio-cultural phenomenon and the resource base of tourism development in the region. The role of the cultural heritage of the Crimea in the actualization of the role of tourism development in the region is substantiated.

Keywords: culture, tourism, cultural heritage, socio-cultural aspect, cultural and educational tourism.

УДК 338.48

Э. Э. Ибрагимов, В. С. Анохин

Роль социокультурного потенциала в развитии культурно-познавательного туризма

В статье представлены теоретические аспекты культурно-познавательного туризма, раскрывается структура потенциала развития туризма, обосновываются системно-структурные характеристики культурно-познавательного туризма как социокультурного феномена.

Ключевые слова: культура, культурное наследие, туризм, культурно-познавательный туризм.

Введение. В условиях роста удельного веса сервиса и услуг в глобальной экономике среди всего многообразия их видов одно из важнейших мест в последние десятилетия занимает индустрия туризма и гостеприимства. В её становлении ключевую роль традиционно играет культурное измерение, которое стало важнейшим фактором начального этапа развития туризма.

Социокультурная проблема в туризме приобретает глобальный характер, поскольку туризм является инструментом коммуникаций в глобальных масштабах, позволяющим общаться представителям различных этносов и конфессий. Общественно-экономическая ситуация в мире в XXI веке предопределяет рассмотрение социально-культурного феномена туризма как одного из решающих факторов развития общества, поскольку он является не только одной из основополагающих отраслей экономики, но и сферой человеческой жизнедеятельности мировоззренческого значения.

Социокультурный фактор оказывает значительное влияние на функционирование и развитие туристической сферы региона, поскольку в большей степени социокультурные потребности туристов могут быть удовлетворены именно при помощи социально-экономических средств. В связи с этим огромное общественное значение приобретает сфера культуры. И одновременно, чем выше уровень культуры обслуживания в сфере туризма и гостеприимства, уровень профессионализма, осведомлённости и деловой этики работников данной индустрии, тем более привлекательной становится вся сфера национального туризма, а, соответственно, национальная экономика более эффективной.

Постановка проблемы. Одним из приоритетных направлений развития туристической индустрии является культурно-познавательный туризм, в основе которого лежит использование объектов культурного наследия. Важными экскурсионными объектами в данном виде туризма являются многочисленные и

разнообразные историко-культурные достопримечательности: археологические, исторические, архитектурные, произведения искусства, мемориальные, дворцовые ансамбли, музеи, картинные галереи и др. Опыт многих стран мира свидетельствует, что историко-культурные объекты могут стать определяющими в формировании спроса на туристические ресурсы и значительно влиять на рост доходов в бюджеты разных уровней. В связи с этим представляется важным проведение исследований системно-структурных характеристик социокультурного потенциала развития культурно-познавательного туризма как социально-культурного феномена.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросам характеристики социокультурного потенциала развития туризма посвящены труды И. А. Табатадзе, А. А. Старовойтенко, И. А. Зязюн, А. И. Левицкой, В. А. Малахова, Г. П. Науменко, В. С. Пазенок, Т. С. Пархоменко, В. Кифяк, В. Кравцова, А. Любицева, М. Мальской, Н. Микула, К. Поливач и многих других учёных. Взвешенный философский, социально-философский дискурс феномена туризма был бы не возможен без трудов зарубежных учёных, посвященных исследованию коммуникативных механизмов и социокультурных основ туризма. Речь идёт прежде всего о трудах К.-О. Апеля, Б. Вальденфельса, В. Вельша, Ю. Габермаса, С. Хантингтона, В. Гесле, О. Гефе, Э. Гуссерля, Г. Марсея, В. Риделя, Э. Соловьева, К. Ясперса и др.

Однако остаются нераскрытыми многие вопросы, касающиеся изучения социокультурных характеристик культурно-познавательного туризма, проблем оптимального привлечения и использования социокультурных компонентов туристической деятельности, обоснование приоритетов и направлений активизации социокультурной системы для улучшения эффективности функционирования туристической сферы с целью повышения уровня социально-экономического развития региона и государства в целом.

Целью исследования является определение содержания и системно-структурных характеристик социокультурного потенциала развития культурно-познавательного туризма.

Объектом исследования выступает культурно-познавательный туризм. *Предмет* исследования – системно-структурные характеристики социокультурного потенциала развития культурно-познавательного туризма.

Изложение основного материала. В становлении и развитии туризма ключевую роль играет культурная составляющая как важнейший фактор начального этапа развития туризма. Именно туризму отводилась центральная роль в межкультурном развитии и кросс-культурных коммуникациях между народами, так как культура была тем ключевым фактором, который стимулировал путешествия и таким образом способствовал развитию взаимодействия по схеме «туризм – культура».

Мировая культура как интегрированная система культур разных этносов, народов, наций человечества является важнейшей детерминантой развития мировой цивилизации. Интеграция культур является глобальным процессом, для которого не существует границ. В процессе развития мировая культура опирается на определенные закономерности и тенденции, принципы функционирования, взаимосвязи и взаимозависимости различных культур, отличающиеся друг от друга пространственно-временными, этносоциальными, этическими, эстетическими, научными и художественными характеристиками [13; 18].

Культура представляет собой многофункциональную категорию. Она оказывает непосредственное влияние на жизнь личности, структуру её потребностей, формы и условия их реализации. Это обусловлено тем, что культура является способом организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленного в продуктах материального и духовного труда, в системе норм, духовных ценностях, совокупно-

сти отношений людей к природе, в социуме и к самому себе.

Изучение взаимосвязи терминов «культура» и «туризм» может приводить к неоднозначному их пониманию, когда «культура» ассоциируется с термином «культурное наследие», которое само по себе ограничено местами и достопримечательностями, представляющими исторический интерес. Культурное наследие каждого народа представлено не только произведениями художников, архитекторов, музыкантов, писателей, учёных и т. д., но включает и нематериальное достояние – фольклор, народные промыслы, фестивали, религиозные ритуалы и т. п. Культурное наследие является отражением взаимодействия человеческого общества и природной среды [9].

Рассматривая особенности взаимосвязи культуры и туризма, следует отметить, что рекреационному освоению территорий с целью отдыха предшествовало их социокультурное освоение (с целью ознакомления с жизненным укладом, познания культурных ценностей местного населения и обмена результа-

тами деятельности). От особенностей социокультурного развития территории зависят рекреационные процессы и их пространственное проявление.

По нашему мнению, социокультурная компонента туристической деятельности – это изменяемая во времени и пространстве система влияния на формирование рекреационных потребностей населения и на создание средств их удовлетворения, которая, в свою очередь, зависит от идеологических и геополитических факторов, способных в определённой степени изменять социокультурные стандарты в рамках определённых социокультурных систем.

Учитывая вышесказанное и опираясь на полученные нами результаты теоретического исследования, можно сделать вывод о том, что социокультурный потенциал как система включает следующие подсистемы: предметную сферу (производство материальных благ); духовную сферу; знаково-изобразительную сферу; сферу взаимодействия и взаимоотношений людей; институциональную сферу (см. рисунок).

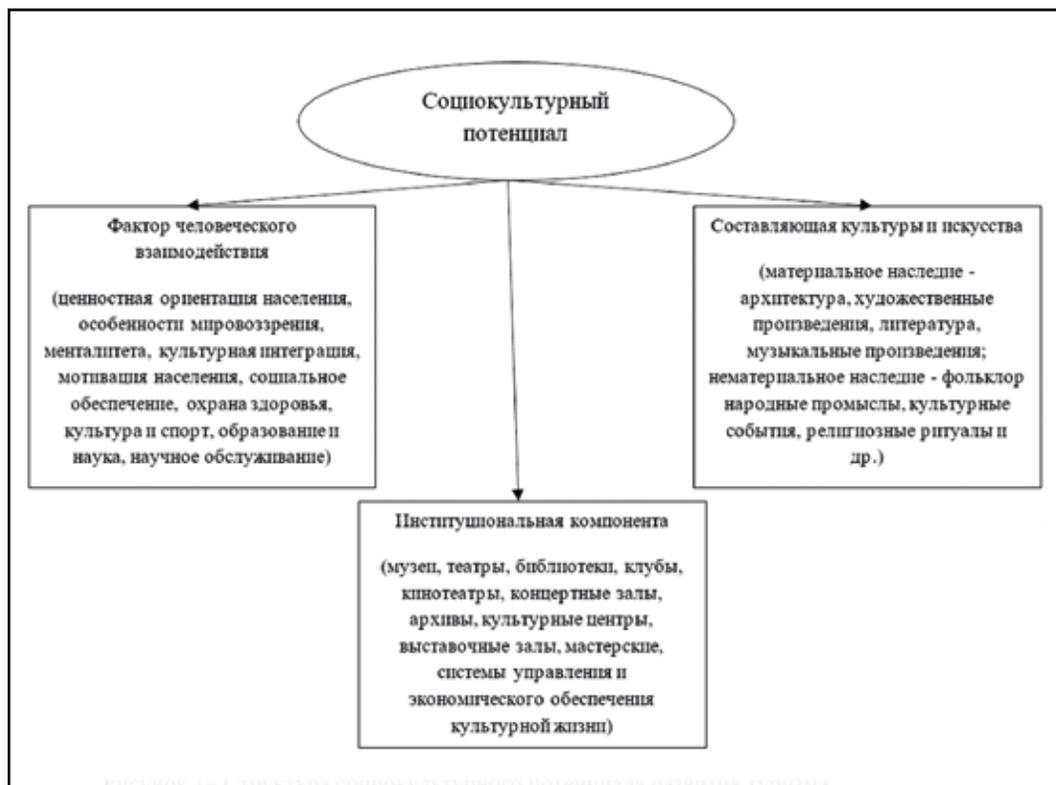

Рисунок – Структура социокультурного потенциала развития туризма

Сфера производства благ связана непосредственно с универсальными категориями, определяющими организацию какого-либо индивидуального или совместного труда, касающегося управления и изготовления орудий и средств труда, а также всех материальных продуктов, произведённых и производимых в течение исторического развития человечества, для обеспечения условий его жизнедеятельности.

Духовная сфера включает отдельные материальные и все нематериальные ценности в области науки и духовного творчества, как созданные человечеством, так и те, которые ещё будут созданы. Они представлены на всех доступных человечеству носителях информации, таких как глиняные таблички, папирус, бумага, магнитные и электронные носители и т. д.

Знаково-изобразительная сфера включает языковые, знаковые, изобразительные, пространственные и плоскостные формы представления произведений искусства и знаний, средства аудиовизуального представления информации.

В сферу взаимодействия и взаимоотношений людей входят различные эстетические, этические, нравственные, культурные, спортивные, оздоровительные и другие формы взаимодействия и взаимоотношений людей как внутри страны, так и за её пределами.

Институциональная сфера – это вся культурная инфраструктура, предназначенная для создания условий сохранения, экспонирования, трансляции и воссоздания культурных ценностей, развития культурной жизни и творчества (музеи, библиотеки, архивы, культурные центры, выставочные залы, мастерские, системы управления и экономического обеспечения культурной жизни) [10; 15].

Туризм как вид человеческой деятельности должен быть направлен на освоение культурного наследия, исследование жизненного опыта других людей, их обычаев, интеллектуальных и творческих достижений. Культура

же понимается в более широком смысле – как то, что заставляет людей быть выше природы или привычного образа жизни в обществе. В основе культурного туризма должна лежать потребность в духовном освоении культуры мира, удовлетворении глубинных запросов человеческого естества [5].

Для определения субъектно-объектных отношений в сфере туризма понятие «культура» необходимо рассматривать в контексте его рекреативной функции. Рекреативная функция культуры – одна из функций, связанная с восстановлением человеком своих духовных сил, обновлением и приведением в норму своего духовного потенциала, проведением своеобразной профилактики духовного состояния. Этот процесс может проходить в театре, в храме, в музее и т. д.

Мир культуры вместе с миром пространства сосредоточивает в себе всю рекреационную составляющую туризма (как на мезоуровне, так и на макроуровне). Мир пространства, касающийся условий жизнедеятельности и выживания человечества, полностью определяется уровнем развития культуры, который, в свою очередь, определяется синтезом достижений наук, обеспечивающих сохранение главного субъекта деятельности этого мира – человека, и наук, касающихся сохранения окружающей среды для функционирования и развития человека в том или ином сообществе.

Туризм как проявление рекреативной функции культуры, несомненно, является более узким понятием, чем культура в целом (тем более в контексте её связи с категорией «общество»), которая включает другие функции. Многогранность понятия культура в контексте её рекреативной функции является предпосылкой, мотивирующей миллионы туристов на постижение её достижений и тайн.

Термин «культурный туризм» как туризм с целью ознакомления и познания культурного наследия разных стран и народов, появился в научном обороте после конференции ICOMOS (International Council on Monuments and

Sites) – Международного совета памятников и исторических мест – в Брюсселе в 1976 году. На конференции были разработаны цели и принципы этого туристского движения. Они были заложены в Хартию культурного туризма, которую подписали 18 международных агентств и ассоциаций. В ней отмечается, что общее значение культурного наследия (как созданного человеком, так и естественной окружающей средой) находит своё национальное проявление как в экономической стоимости, так и в туризме [16].

В дальнейшем культурный туризм становится всё более значимым явлением в экономическом плане и более заметным в политическом, а количество стран и регионов в Европе, которые используют его как неотъемлемую часть индустрии туризма, растёт, способствуя тем самым появлению новых экономических возможностей в этой сфере.

Развитие туризма выполняет важную роль в решении региональных социально-экономических проблем: создаются новые рабочие места, поддерживается высокий уровень жизни населения, создаются предпосылки для повышения инвестиционной привлекательности регионов. Развитие сферы туризма способствует росту уровня образования, совершенствованию системы медицинского обслуживания населения, внедрению новых средств по распространению информации.

С середины 1970-х годов культурный туризм («культурно-развлекательный» [8], «познавательный» [6], «историко-культурный» [19], «культурно-познавательный» [1] и др.) включают во все классификации отрасли. Культурный туризм становится объектом ряда диссертационных исследований, в частности Л. А. Литовки (1990), А. В. Рахмалева (2003), Т. В. Румянцевой (2000), А. А. Карамашевой (2004), С. А. Красной (2006) и др.

При этом отмечается:

– культурный туризм – самостоятельный вид туризма, основой которого является историко-культурный

потенциал страны, включающий всю социокультурную среду с традициями и обычаями, особенностями бытовой и хозяйственной деятельности [7];

– культурный туризм – форма познания культурного наследия;

– культурный туризм направлен на освоение культурного наследия, исследование жизненного опыта других людей, их обычаев, интеллектуальных и творческих достижений [14];

– культурный туризм соответствует объективным тенденциям гуманизации, превращения культуры в ресурс развития целых территорий;

– культурный туризм является одной из новых успешных постиндустриальных технологий, лежащих в основе развития туризма в условиях информационного общества, и позволяет создавать новые туристские центры, выявлять, сохранять и успешно использовать культурное наследие, давать возможность тысячам и миллионам людей ознакомиться с мировым культурным достоянием.

В современной науке, как отмечает Г. Ричардс, президент Европейской Ассоциации по изучению туризма (ATLAS), существует два подхода по определению культурного туризма. Первый – «технический», описывает наиболее привлекательные для туристов места. Типичный список достопримечательностей, которые могут привлечь внимание культурных туристов, предоставлен ЕСТАРС (1998):

1) места археологических раскопок и музеи;

2) архитектура (руины, знаменитые здания и строения, исторические города);

3) искусство, скульптура, ремесла, галереи, фестивали, события;

4) музыка и танцы (классическая, народная, современная);

5) драма (театры, кино, драматурги);

6) изучение языка и литературы, события;

7) религиозные праздники, паломничество;

8) культуры и субкультуры (народные или древние).

Второй подход – концептуальный, характеризующий мотив и содержание деятельности культурного туризма. Например, по Макинтошу и Голднеру (1986), культурный туризм включает в себя все аспекты туризма, по которым люди изучают историю и наследие других народов, их современный уклад жизни и менталитет [16].

По мнению М. Д. Сущинской, культурно-познавательный туризм как специфический сегмент в системе туризма определяется по трем аспектам:

– характеру деятельности туриста, заключающегося в получении нового опыта и впечатлений для удовлетворения культурных потребностей. Этот признак формирует концептуальное отличие культурно-познавательного туризма от других видов туристской деятельности;

– мотивации туристов, вовлеченных в культурно-познавательный туризм. Этот признак характеризует масштабы и структуру спроса туристов в сфере культурно-познавательного туризма;

– характеристике предложения – особых туристских ресурсов, которые вовлекаются в процесс удовлетворения спроса в сфере культурно-познавательного туризма.

В зависимости от преобладающего использования как базового того или другого культурного ресурса автор выделяет следующие виды культурно-познавательного туризма:

– туризм наследия (культурно-исторический);

– обзорный (культурно-ознакомительный, или экскурсионный);

– арт-туризм;

– событийный культурный туризм;

– креативный культурный туризм;

– экокультурный туризм;

– туризм впечатлений;

– тематический туризм [17].

Как отмечает М. Драгичевич-Шешич, культурно-познавательный туризм принимает во внимание желание людей ознакомиться с культурой, обычаями, характерными для других стран. Она же предложила классификацию культурно-познавательного туризма:

– исторические путешествия, среди которых можно выделить: путешествия в историю; путешествия-реконструкции исторических событий; изучение исторического периода; религиозные путешествия;

– географические путешествия, целью которых является ознакомление туристов с какой-либо территорией, определенным регионом или городом;

– культурологические путешествия, связанные с изучением какого-либо направления в искусстве [4].

Ван Циншен считает, что «...историко-культурный туризм представляет собой туристскую аттрактивность, определяемую совокупностью факторов культуры и истории» [19], и выделяет в нём следующие аспекты:

– туризм с ознакомлением с искусством и литературой;

– исторический туризм;

– туризм архитектурной культуры;

– туризм тематических парков культуры;

– туризм городской среды и культуры;

– музейный туризм [19].

Проведенное исследование тенденций использования объектов культурного наследия как основы развития культурно-познавательного туризма позволило разработать классификацию видов туризма, определить их содержание и материальную базу (культурно-познавательный потенциал) (см. таблицу).

Таблица – Виды туризма, основанные на преимущественном использовании культурного наследия

Вид туризма и его содержание	Культурно-познавательные ресурсы (потенциал)
Археологический туризм – посещение и ознакомление с археологическими памятниками, участие в археологических экспедициях и проведении археологических раскопок.	Археологические памятники, места археологических раскопок.
Архитектурно-исторический туризм – посещение и ознакомление с памятниками истории, архитектуры и градостроительства.	Памятники цивилизации и социально-экономической культуры; древние города, руины древних городов; архитектурные ансамбли, дворцовые комплексы, культовые сооружения и храмы, малые архитектурные формы; памятники градостроительства (городская среда и городская культура; панорамы городов; ландшафтно-планировочная организация и застройка городов); памятники промышленной архитектуры; памятники ландшафтной и рекреационной архитектуры.
Военно-исторический туризм – посещение и ознакомление с памятниками военной культуры и мест военных событий.	Памятники военной культуры и места военных событий (крепости, оборонительные стены и валы, памятные места сражений и боев, военные мемориалы, памятники, обелиски, места воинских захоронений и т. п.).
Этнический туризм – посещение исторической родины или мест рождения родственников с целью изучения (ознакомления) с культурным наследием своего исконного народа, особенностями культуры и быта этнической группы (М. Б. Биржакова и Е. В. Мошняга) [2; 12].	Памятники культуры и архитектуры, музейные экспозиции, архивные материалы, этнические живописные природные заповедные места и пейзажи.
Этнографический туризм – посещение этнографических объектов для познания культуры, архитектуры, традиций, художественных форм, быта того или другого народа (этноса), который проживает сейчас или проживал когда-либо на этой территории (М. А. Гранкина) [3].	Этнографические объекты (материальные духовные), содержащие информацию об этнических проявлениях традиционно-бытовой культуры при условии их использования для производства туристских услуг и удовлетворения потребности в экскурсионном туризме (Ю. Н. Лаптев, А. В. Савинова, М. А. Гранкина). Этнографические музеи, музеи под открытым небом; этнографические села; этнические ансамбли, этнографические праздники, народные промыслы и ремесла.
Культурологический туризм – посещение и ознакомление с памятниками и произведениями искусства, посещение и участие в древних традиционных или современных постановочных культурных мероприятиях или событиях (праздниках, фестивалях и т. п.).	Произведения искусства, скульптура; событийные ресурсы, связанные с древними и современными традициями, известными деятелями искусства, литературы, театра, кино; галереи, фестивали и т. д.; уникальные художественные промыслы, кустарные ремесла и древние виды промышленного производства.

Музейный туризм – специфическая деятельность музеев в сфере познавательного туризма. Основывается на идее комплексного показа (освещения) истории и культуры территорий, входящих в орбиту научных, просветительских и других традиционных интересов музея, не в последнюю очередь обусловленных спецификой и составом тех или иных музейных коллекций.	Музеи, выставки, историко-культурные мероприятия, презентации музейного характера (экспозиции, внутренние и наружные экскурсии и т. д.).
Религиозный (паломнический) туризм – посещение религиозных святынь с познавательными целями, которые «усилены духовной функцией» (А. А. Любицева, С. П. Романчук), или «с чётко определёнными культовыми целями» (М. Б. Биржаков), ознакомление с религиозными обычаями, традициями, ритуалами и обрядами [11].	Совокупность культовых объектов познавательного (религиозные памятники антропогенного происхождения, используются как экскурсионные – действующие храмы, имеющие историческую или архитектурную уникальность), паломнического и естественно-сакрального содержания (святые источники, деревья, скалы).

Составлена автором на основе [2; 3; 11; 12].

Культурное наследие является материальной и духовной основой развития многих видов туризма, и прежде всего культурного. Решающее значение в этом процессе отводится системному культурно-познавательному туризму. Под этим видом туризма нами понимается процесс непосредственного ознакомления отдельных индивидуумов или групп с достижениями мировой культуры непосредственно как в местах проживания, так и за их пределами. Культурно-познавательный туризм ставит своей целью изучение и сохранение культурного наследия этносов, народов, наций, цивилизаций, населяющих мировое пространство, и перенос его в своё интеллектуальное пространство.

Выводы. Уровень развития культуры в значительной степени влияет на эффективность туристической деятельности. Одним из основных факторов, стимулирующих путешествия людей, была и есть именно культура. Туристы посещают другие страны не только ради отдыха, но и в основном для ознакомления с культурой других народов (произ-

ведениями архитекторов, художников, музыкантов, писателей; фольклором и народными промыслами; посещение фестивалей; ознакомление с традициями других народов, их бытом, моральными принципами, менталитетом и др.).

Исходя из вышесказанного, констатируем: социокультурный фактор оказывает значительное влияние на функционирование и развитие туристической сферы региона. Чем в большей степени удовлетворяются социокультурные потребности туристов (гостей) именно социально-экономическими средствами, тем большее общественное значение приобретает сфера культуры. И, соответственно, чем выше культура обслуживания в сфере туризма и гостеприимства, тем выше уровень профессионализма, осведомленности и деловой этики работников индустрии гостеприимства, тем более привлекательной становится вся сфера национального туризма, а соответственно, более эффективной хозяйственно-производственная, экономическая деятельность.

1. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 28.05.2022) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Справочная системы «Консультант Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/ (дата обращения: 18.12.2022).
2. Биржаков М. Б. Введение в туризм. – Санкт-Петербург: Невский фонд: Герда, 2008. – 576 с.
3. Гранкина М. А. Этнографический туризм как историко-культурное явление. – URL: <http://librar.ru> (дата обращения: 18.12.2022).
4. Драгичевич-Шешич М. Культура: менеджмент, анимация, маркетинг / М. Драгичевич-Шешич, Б. Стойкович / Новосиб. отд-ние Союза театральных деят. России. При содействии Новосиб. отд-ния Ин-та «Открытое о-во». – Новосибирск: Тигра, 2020. – 227 с.
5. Карамашева А. А. Культурный туризм и его значение в социокультурном развитии регионов в условиях глобализации: автореф. дис. ... кан. культурологии: 24.00.01 / А. А. Карамашева. – Москва, 2014. – 25 с.
6. Квартальнов В. А. Туризм: учебное пособие / В. А. Квартальнов. – Москва: Финансы и статистика, 2012. – 315 с.
7. Клейн Р. Направления государственной политики в области культурного туризма (доклад) / Р. Клейн // Туризм: право и экономика. – 2014. – № 1. – С. 32–37.
8. Кружалин В. И. География туризма: учебник / В. И. Кружалин, Н. С. Мироненко, Н. В. Зигерн-Корн, Н. В. Шабалина. – Москва: Федеральное агентство по туризму, 2014. – 336 с.
9. Кузьмина Е. М. Туризм как способ взаимодействия культур: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 / Е. М. Кузьмина. – Тюмень, 2015. – 24 с.
10. Кущёв Н. П. Туризм как объект социологического анализа в современной России / Н. П. Кущёв // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 1 (33). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-kak-obekt-sotsiologicheskogo-analiza-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 19.12.2022).
11. Любичева О. О. Напряжки розвитку релігійного туризму в Україні / О. О. Любичева, С. П. Романчук // Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. «Туризм у ХХІ столітті: глобальні тенденції і регіональні особливості» (10-11 жовтня 2001 р., м. Київ). – Київ: Знання України, 2002. – С. 61–65.
12. Мошняга Е. В. Международный культурный туризм как фактор межкультурной коммуникации // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2005. – Вып. 55. – С. 128–147. – URL: http://tourlib.net/statti_tourism/moshnyaga.htm (дата обращения: 24.12.2022).
13. Мусаелян И. К. Методологические особенности управления культурной интеграцией / И. К. Мусаелян // Вестник ГУУ. – 2015. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osobennosti-upravleniya-kulturnoy-integratsiey> (дата обращения: 19.12.2022).
14. Наседкин К. Культурный туризм, музеи и Интернет / К. Наседкин. – URL: http://www.cultivate.ru/mag/issue1/cul_tour.asp (дата обращения: 09.12.2022).
15. Петрова Е. В. Социокультурные аспекты туризма в современной России: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / П. Е. Владимировна. – Москва, 2009. – 27 с.
16. Ричардс Г. Масштабы и значение культурного туризма в Европе / Г. Ричардс // Art менеджер. – 2003. – № 1. – С. 68–71.
17. Сушинская М. Д. Культурный туризм: учебное пособие / М. Д. Сушинская. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ, 2010. – 128 с.
18. Хаджиев С. М. Специфика интеграции культур в поликультурном воспитании / С. М. Хаджиев // АНИ: педагогика и психология. – 2016. – № 4 (17). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-integratsii-kultur-v-polikulturnom-vozpitanii> (дата обращения: 19.12.2022).
19. Циншен Ван. Историко-культурный туризм и развитие туристических городов / Ван Циншен // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 35. – С. 11–15.

The article studies the theoretical aspects of cultural and cognitive tourism, reveals the structure of the potential for tourism development, substantiates the system-structural characteristics of cultural and cognitive tourism as a socio-cultural phenomenon.

Keywords: culture, cultural heritage, tourism, cultural and educational tourism.

УДК 811.161.1+811.161.2

О. И. Андрейченко, Л. Ф. Щербачук

Фразеологическая репрезентация природного кода культуры (на материале русского и украинского языков)

Статья посвящена исследованию природного кода культуры, в частности, проанализировано, как образы природы осмысливаются и оцениваются в культуре человеком в процессе его жизнедеятельности. На материале русских и украинских фразеологизмов сопоставлена образная и символическая специфика природных компонентов камень, вода, огонь в составе фразеологических единиц.

В работе представлен семантический анализ украинских и русских фразеологических единиц, содержащих компоненты камень, огонь и вода на уровне их значения и внутренней формы.

Ключевые слова: коды культуры, фразеологизм, природный код культуры, образ фразеологизма.

Введение. Современная лингвокультурология характеризуется тенденцией к изучению культурной семантики речевых знаков (в том числе и фразеологических), которая формируется при взаимодействии языка и культуры. Лингвокультурный аспект научных исследований предполагает изучение воздействия на языковую систему обычаев, обрядов, верований, быта, общей культуры и менталитета этноса. Предлагаемое исследование входит в русло проблемы взаимосвязи языка и культуры, так как речь пойдёт о свойстве языковых знаков кодировать и хранить в себе память о «порядке культуры» (по Р. Барту), о культурных кодах, переданных и накопленных установках культуры, которые распознаются или бессознательно воспроизводятся лингвокультурой.

Анализ последних исследований и публикаций. Методологической основой анализа языкового материала послужили работы современных исследователей в области лингвокультурологии, фразеологии и паремиологии (подробнее см.: [1; 3; 5; 6; 8]).

Актуальность исследования определяется необходимостью изучения лингвокогнитивного ментального пространства и особенностей его фразеологической репрезентации в условиях полиэтнического Крыма.

Цель статьи – описать фрагмент природного кода культуры и его фразеологическую репрезентацию в русском и украинском языках, охарактеризовать образную и символическую специфику в семантике фразеологических единиц (далее ФЕ) с компонентами *камень, огонь и вода*.

Изложение основного материала.

Познание культурной истории народа через его язык достаточно продуктивно, поскольку в каждом народном слове заложен образ, который своими корнями часто уходит в народную мифологию.

Безусловно, природные явления имели и имеют большое влияние на жизнь человека, на его поведение во времени и пространстве. В ходе исторического развития в человеческом сознании постепенно развивался культ природы, составлявший основу мировоззрения. И, наоборот, человеческие качества и свойства переносились на растения, животных и даже на явления природы.

Принимая за основу утверждение о том, что код культуры – это система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставшая носителем культурных смыслов [3; 7], предполагаем вторичное использование знаков, которые уже имеют закреплённое за собой первичное значение. При этом утверждаем, что природа первичных знаков различна: это могут быть природные объекты (животный, растительный коды), вещи (предметный код) и другие проявления действительности.

В научной литературе существуют разные подходы к определению и типологизации кодов культуры. Исследователи А. Березович, С. Толстая различают субстанциональные и концептуальные коды. Первый вид выделяется на основе общности плана выражения – материальной природы знаков, составляющих код, второй – на основе смысловой общности элементов (концептов, идей, мотивов). Из этого следует, что природный код культуры – это совокупность названий, обозначающих природные объекты, явления или части ландшафта, в том числе и всё то, что освоено человеком. К природному коду относим такие явления и объекты природы, как *небо, звезды, солнце, луна, земля, ветер, огонь, вода, гром, камень, гора* и др., которые репрезентированы во фразеологии русского и украинского языков. Например, рус.: *капля в море, родиться под счастливой звездой, зем-*

ля горит под ногами; укр. падати від вітру, вогнем горіти, зірок з неба не хапати и др.

Проанализируем украинские и русские фразеологизмы с компонентами *камень, огонь* и *вода*, отражающие природный код культуры.

По утверждению В. А. Масловой, в славянской мифологии к первоэлементам мира относят и камень, который символически представляет «мёртвую» природу [8, с. 78]. Онтологические свойства объекта *камень* – «твёрдость» и «крепость», познанные человеком в процессе его деятельности, были переосмыслены в духовных категориях и преобразовались в культурные смыслы: «твёрдость», «основа». В исследуемых лингвокультурах эти признаки представлены как элементы ритуала существующих обрядовых практик – *камень* осмысливается как локус, в котором пребывает душа человека в течение 40 дней после смерти. Древний обычай устанавливать надгробный камень объясняет стремление «связать» душу, дать ей обиталище, чтобы она не блуждала по свету. Сравним, например: рус.: *свалился как камень с души (с сердца)* [2, с. 320], *как на каменную гору надеяться* [2, с. 294], *краеугольный камень* [2, с. 335], *камня на камне не оставлять (не оставлять)* [2, с. 321–322], *подводные камни* [4, с. 235]; укр.: *наріжний камінь* [10, с. 286], *давити каменем* [10, с. 185], *як з каменя вибитий* [10, с. 63], *як за кам'яною горою [бути, жити]* [10, с. 163] и т. п.

В составе русских и украинских ФЕ (*идти, пойти*) в *огонь и воду* (укр. *в вогонь і в воду [іти, готовий]*) в значении «идти, пойти на всё, на любые самоотверженные поступки, не раздумывая, жертвуя всем» [2, с. 262–264] природные компоненты *огонь* и *вода* зафиксированы не просто как номинации природных явлений – названные стихии в славянском мировосприятии с древних времён символизировали жизненные испытания человека, основанные на осмыслении огня и воды как природной опасности, разрушительной силы, неподвластной человеку.

Вода как элемент природы, наделённый определёнными свойствами и силой, соотносится с природным кодом культуры и «является одной из главных составляющих, используемых в различных обрядах, связанных с предсказанием и гаданием. Бросают камни в воду: забурлит вода – муж будет вертун. Замораживают к Новому году воду в ложке: пузыри – к долговечности, ямка сверху – к смерти. Спускают венки на воду: утонет – к смерти, поплывёт – к замужеству и т. п.» [2, с. 263], ср. рус. фразеологизмы *будто в воду глядел*; укр.: *як у воду дивитися/глянути*. В образе фразеологизма отражена древняя форма осознания одного из способов восприятия мира – зрения как познания: смотреть означает познавать. Внутреннюю форму ФЕ связывают с обрядом гадания на воде: тот, кто его проводит, взглянув в посуду с водой, может увидеть то, что уже происходило в прошлом или произойдет в будущем [5]. Таким образом, ФЕ с «природными» компонентами, по известному выражению В. Н. Телия, являются и своеобразными микротекстами культуры. Так, в славянской фразеологии вода как вещество ассоциируется с волшебным зеркальцем, имеющим свойство отражать мир. Вспомним сказочный обряд с блюдцем зеркальной поверхности, по которому катится яблочко.

Следует отметить, что *вода*, как и любая стихия, несёт в себе и огромную опасность. В составе ФЕ *будто в воду опущенный, будто в воду канул* компонент *вода* символизирует влияние на человека опасной, мистической стихии, например, укр.: *взяла вода* – «кто-либо утонул» [10, с. 121–122].

В славянской культуре наиболее активен архетип воды как живительной, очистительной силы, предохраняющей от болезни. И это подтверждается украинской культурной традицией, в которой вода – это символ здоровья, силы: *як з води [рости, іти]* – «очень быстро» (в 1-м знач.) [10, с. 121–122].

Издавна известный и почитаемый культ *огня* – это не только отражение

небесного огня-солнца, но и его важность в жизни человека, одновременно и страх перед ним. Архетипический образ *огня* имеет многочисленную символику, это знак духовной энергии, преобразования и перерождения, разрушительной и одновременно возрождающей силы, богатства, семейного благосостояния, очищения от зла [8, с. 81]. Например, огонь сравнивают с опасностью и разрушительной силой, что с аксиологической точки зрения во фразеологии отражено неодобрительно: рус.: *играть (шутить) с огнём* [2, с. 258]; укр.: *гратися з вогнем* – «поводиться небережно, заниматься чимось небезпечним» [10, с. 168], *як вогню [боятися]* – «дуже, сильно» [10, с. 120], *пустити з вогнем* – «знищити вогнем, спалити» [10, с. 587].

С *огнём* связаны и различные испытания, сложности. Так говорят о закалённом человеке, испытывавшем многое на своём веку и даже прошедшем испытание славой, например, рус.: *пройти сквозь огонь и воду* [2, с. 262–264], *из огня да в полымя* [2, с. 269–270], *подливать масла в огонь* [4, с. 277]; укр.: *хоч вогнем печи кого* – «що не роби кому-небудь» [10, с. 501–502], *викликати вогонь на себе* – «свідомо, навмисне брати на себе всю складність, чиюсь вину або відповідальність» [10, с. 73], *між двох вогнів [потрапити, опинитися]* – «у такому скрутному становищі, коли небезпека або неприємність загрожують з обох боків» [10, с. 120].

Существует мнение, что в основе фразеологизма *между двух огней* [4, с. 181] лежит обычай, который соблюдался у тюркских и монгольских ханов. Чтобы попасть к ним в стан, нужно было пройти между двух очищающих огней. Наличие аналогов этой ФЕ в нескольких языках (например, нем. *zwischen zwei Feuern*, англ. *between two fires*) свидетельствует о метафорической природе данной единицы.

Таким образом, *огонь* – сложный символ. В исследуемых культурах к нему сформировалось двойственное отношение: с одной стороны, *огонь* приносит

хаос, смерть всему живому, он является сокрушительной силой, а с другой стороны, *огонь* – средство очищения души, он способен уничтожить демонов, вернуть юность и здоровье, символ начала чего-то нового и чистого. *Огонь* как стихия является разрушительной силой, а огонь как символ домашнего очага и уюта имеет совершенно другую коннотацию.

Выводы. Проведённое исследование семантики «природных» украинских и русских ФЕ с компонентами *огонь* и *вода* показало особенности соотношения их внутренней формы и актуального значения. Природный код культуры можно считать универсальным, ведь он присутствует в русской и украинской фразеологии. ФЕ, вербализиру-

ющие данный код культуры в русском и украинском языках, симметричны: определяется общность сопоставляемых архетипических образов, символов (*огонь, вода, камень*). Вместе с тем фразеологизмы как микротексты культуры, их внутренняя форма раскрывают самобытность народной культуры, специфику каждого из исследуемых языков, отражая различия в образной характеристике действительности.

Анализ отдельных компонентов ФЕ (*огонь, вода, камень*) является лишь фрагментом общего описания природного кода культуры, который даст возможность детально представить особенности стереотипизации действительности в русской и украинской лингвокультурах.

1. Андрейченко О. И. Фразеологическая репрезентация концептосферы «деятельность человека» в русском и украинском языках: когнитивный аспект / О. И. Андрейченко, Л. Ф. Щербачук // Фразеология в языковой картине мира: когнитивнопрагматические регистры: сборник научных трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 года) / Н. Ф. Алефиренко, Е. Г. Озерова, К. К. Стебунова и др. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2019. – С. 66–71.
2. Гудков Д. Б. Телесный код культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – Москва: Гнозис, 2007. – 288 с.
3. Жуков А. В. Словарь современной русской фразеологии / А. В. Жуков, М. Е. Жукова; отв. ред. В. Тимофеев. – Москва: АСТ-Пресс книга, 2016. – 416 с.
4. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / М. Л. Ковшова. – Москва, 2009. – 654 с.
5. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / [отв. ред.] В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва: МАКС Пресс, 2001. – Вып. 19. – С. 5–19.
6. Маслова В. А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии / В. А. Маслова // Культурные смыслы во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – С. 69–76.
7. Маслова В. А. Коды культуры: учебное пособие / В. А. Маслова, М. В. Пименова. – Москва: Флинта: Наука, 2016. – 180 с.
8. Селіванова О. О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти): монографія / О. О. Селіванова. – Київ-Черкаси: Брама, 2004. – 276 с.
9. Словник фразеологізмів української мови [укл.: В. М. Білоноженко та ін.]. – Київ: Наукова думка, 2008. – 1104 с.
10. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. – Москва: АСТ-Пресс книга, 2014. – 784 с.

The article is devoted to the study of the natural code of culture, in particular, it analyzes how images of nature are comprehended and evaluated in culture by a person in the process of his life activity. The figurative and symbolic specificity of natural components stone, water, fire in the phraseological units is compared on the material of Russian and Ukrainian phraseological units.

The paper presents a semantic analysis of Ukrainian and Russian phraseological units containing the components fire and water, at the level of their meaning and internal form.

Key words: codes of culture, phraseology, natural code of culture, image of phraseology.

УДК: 801.313+82-31

А. В. Петров, Д. Э. Савичева

Образ Ассоль в повести-феерии А. Грина «Алые паруса»

В статье через слово и сочетания слов рассматривается образ Ассоль – героини в феерии А. Грина «Алые паруса». Постулатом литературной ономастики является положение о том, что имя собственное в художественном произведении выступает поэтонимом. Поэтоним, именующий персонажа, отражает стремление писателя сделать так, чтобы собственное имя отражало внутреннюю сущность героя. А. Грин достигает это совокупностью использования языковых средств – лексических, деривационных, синтаксических. Немаловажное место при этом отводится синтагматике, которая является источником образования тропов и фигур речи.

Ключевые слова: А. Грин, феерия «Алые паруса», поэтоним Ассоль, тропы, синтагматика.

Введение. В последнее время лингвистическая наука обращает большее внимание на исследования онимов различного характера, представляющих собой значительный пласт лексической системы языка. Необходимость его научного изучения получила в настоящее время всеобщее признание, о чём свидетельствует широкий интерес к проблемам топонимики, антропонимики, этнонимики в отечественном и зарубежном языкознании. В то же время развивается и литературная ономастика, в других терминах – поэтониология (В. М. Калинин), теоретическую основу которой составили публикации В. Н. Михайлова, Э. Б. Магазаника, Ю. А. Карпенко, В. М. Калинин.

Менее исследована литературно-художественная ономастика в гриноведении. При этом в центр исследования учёных ставится символ (Н. Д. Попа, В. А. Романенко), и это естественно, поскольку

Александр Грин как писатель сформировался в период Серебряного века русской литературы, когда одним из определяющих направлений литературного процесса был символизм. Бесспорно, что в феерии «Алые паруса» также существенна символическая составляющая.

В этом году исполняется 100 лет со дня выхода в свет этого произведения. Повесть «Алые паруса» – замечательная история о том, что не нужно забывать о мечте и чудесах. Феерия покоряет читателей своими необычными образами, метафорическим языком и волшебным сюжетом. Автор не просто рисует мир таким, каким он бы хотел его видеть, – писатель рассказывает историю, которая может произойти на самом деле. Возможно, именно поэтому «Алые паруса» стали частью русской культуры, не переставая вдохновлять творческих людей.

Объектом нашего исследования выступает повесть-феерия Александра

Грина «Алые паруса», предметом исследования являются языковые средства, используемые автором в создании образа Ассоль.

В качестве методов исследования применялись компонентный, контекстологический и лексико-семантический анализ.

Цель статьи – с опорой на языковые средства раскрыть уникальность образа Ассоль – главной героини повести-феерии А. Грина «Алые паруса».

Изложение основного материала.

По мнению В. М. Калинкина, каждое собственное имя художественного произведения прочно связано со свойствами изображаемого (и названного именем) предмета. Поэтоним, именуемый действующее лицо литературного произведения, содержательно и информативно всегда адекватен стремлению автора сделать имя персонажа соответствующим его внутренней сущности (независимо от того, какая из сторон сущности персонажа и каким образом проявляется) [3, с. 56].

Таинственно имя героини: «...оно так странно, так однотонно, музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины...» [1, с. 13], что согласуется с Прекрасной Неизвестностью; по мнению Эгля, «...это что-то особенное».

Ассоль переводится как «обращённая к солнцу». Имя стало популярным после выхода романа А. С. Грина «Алые паруса» и сразу стало ассоциироваться с гриновской героиней.

Ассоль – мечтательная, милая девушка. Характеристика её перекликается с мировоззрением и идеалами автора. Гриневский описывает главную героиню повести ровно настолько, чтобы дать читателю представление о ней. Надежда является главной чертой, символизирующей её душевный уклад. Характер описан расплывчато, и читателям свойственно самостоятельно облагораживать девушку посредством воображения.

Героиня живёт в прибрежном городе Каперна. В детстве Ассоль не была душой компании, сверстники не принимали её из-за дурной репутации отца. Пережив это, она научилась быть самостоятельной и не обращать внимания на

обиды. Придумав собственный мир, где мечты исполнимы, Ассоль ждёт указания судьбы, чтобы радоваться жизни и любить кого-то, кроме отца и окружающей природы.

Характеристика внешности героини стала второстепенным нюансом повести. А. Грину было важнее показать душу девушки, её искренность и доброту. Однако, читая повесть, мы встречаем описание внешности девушки. Героиня убирает густые тёмные русые волосы под косынку и носит простое платье в розовый цветочек. У девушки приятная кроткая улыбка и грустный взор. Тонкая хрупкая фигура не мешает Ассоль трудиться.

Уже с первых моментов появления Ассоль в повести Грин описывает её при помощи эпитетов, а также слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «*нервное, доброе личико, взволнованный голосок...*». Пение девушки сравнивает с танцем медведя: «...*эти песенки производили впечатление танцующего медведя, украшенного голубой ленточкой*» [1, с. 6].

Ассоль была любознательной, увлечённой: «...*любимым развлечением Ассоль было... забраться к нему (отцу) на колени и, вертясь в бережном кольце отцовской руки, трогать различные части игрушек, расспрашивая об их назначении...*» [1, с. 13].

Характер Ассоль проявляется в описаниях Грина с использованием наречий и деепричастий: «...*важно спросила Ассоль...*», «...*осторожно спустила на воду...*» [1, с. 11], «*маленькие руки работали прилежно и ловко*» [1, с. 43], «*волнуясь, трепеща и блестя, она подошла к склону холма*» [1, с. 46], что говорит об её ответственности, серьёзности, размерности.

Главная героиня повести обладала прекрасным воображением: «...*ручей казался теперь девочке огромной рекой, а яхта – далёким, большим судном...*» [1, с. 11]. Движение героини, её активность автор описывает, используя глаголы, которые резко сменяются друг другом: «...*спотыкалась, падала и снова бежала*» [1, с. 11].

Глаголы «размышляла», «хлопочет утешить» отца, «охорашивала отца» демонстрируют, насколько Ассоль необычна в своих движениях и порывах: нежна, заботлива к отцу, энергична, весела, мечтательна. Автор подчёркивает динамичность её движений и реакций: *«рой смутных, ласковых мыслей мелькнул в ней; она выпрямилась, засмеялась и села, начав шить»* [1, с. 42].

Внешность Ассоль Грин представляет как что-то необычное, очаровывающее, употребляя индивидуально-авторские сравнения, метафоры и эпитеты: *«Её неправильное личико могло растрогать тонкой чистотой очертаний; каждый изгиб, каждая выпуклость этого лица, конечно нашли бы место в множестве женских обликов, но их совокупность, стиль – был совершенно оригинален, – оригинально мил...»* [1, с. 41].

Словосочетание «неправильное личико» – метафора, которая указывает на то, что Ассоль была особенной, отличалась от всех, а уменьшительно-ласкательный суффикс *-ик* свидетельствует о трепетном отношении А. Грина к своей героине. Грин подчёркивает, что, имея типичный портрет, Ассоль отличает «совокупность» типичных черт, которые рождают особый стиль. Автор использует повторы «каждый... каждая...», *«оригинален, оригинально...»*, которые усиливают эффект притяжения к девушке.

Большое внимание автор уделяет глазам и взгляду Ассоль: *«Тёмные, с оттенком грустного вопроса глаза казались несколько старше лица...»*, что говорит о задумчивости Ассоль, о её мудрости, о том, что она умна не по годам; *«Её серьёзные глаза, повеселев, просияли доверием»* – несмотря на свою серьёзность, она была всё же открытой, чистой девушкой [1, с. 15]. *«Как широко раскрылись её глаза»; «грустные глаза, жмурившиеся от нежного удовольствия»; «в её глазах блестела новая жизнь...»; «прекрасные, несколько серьёзные для её возраста глаза посматривали...»* – жизнь Ассоль сделала её серьёзной, мудрой, что читается в её взгляде, но, несмотря на все тяготы, она сохранила чистоту и доброту души,

что тоже выявляет её индивидуальность. Читателя изумляет картинность авторской метафоры «пытать взглядом море»: *«с изумлением осматривалась она, пытая взглядом море и зелёные заросли»*. Нетипичным является сочетание глагола «осматривать» с именем существительным «море», имеющем семы 'безграничность', 'беспредельность' (для взгляда). Ёмкое глагольно-именное сочетание передаёт диффузность значений предикатов «обозревать», «разглядывать» (бесконечность), «обследовать», что свидетельствует о постоянной работе мыслей и чувства.

Немало слов сказано о *голосе* героини, об *улыбке*: *«взволнованный голосок», «...блестел кроткой улыбкой», «неудержимо рвалась улыбкой»*. Обратим внимание на фразу, содержащую метафору: (во время работы) *«её голова мурлыкала песенку жизни»*. Глагол «мурлыкать» обозначает 'тихо, еле слышно напевать' (разг. шутол.) [9, т. 2, с. 281], однако в контексте в предикате речи варьируется лексическое значение: погашаются семы 'тихо', 'слышно' и наводятся семы 'про себя', 'мысленно'. Так нетипичная сочетаемость лексических единиц «работает» на авторскую идею – показать глубокий духовный мир героини феерии.

Черты лица героини сравниваются с полётом ласточки, с тайной слов: *«...каждая черта Ассоль была выразительно легка и чиста, как полёт ласточки»* [1, с. 13]; *«Удивительные черты её лица, напоминающие тайну неизгладимо волнующих, хотя простых слов...»* [1, с. 37].

А. Грин говорит о том, что Ассоль не похожа ни на кого, есть в ней оригинальность. Такого эффекта он добивается, используя эпитеты: *«маленький рот», «неправильный мягкий овал лица», «с радостным и нетерпеливым лицом», «подхватенная неодолимым ветром события»*.

Сущность Ассоль была таинственной и необычной, это мы видим из следующих строк: *«В ней две девушки, две Ассоль, перемешанных в замечательной, прекрасной неправильности. Одна была дочь матроса, ремесленника, мастерица игрушки, другая – живое стихот-*

ворение...» [1, с. 42]. В этом контексте запечатлена одна из оригинальных гриновских метафор, которой автор живописует Ассоль, – «живое стихотворение». Метафора дана в развитии, в пояснении, в раскрытии: «...со всеми чудесами её созвучий и образов, с тайной соседства слов, во всей взаимности их теней и света, падающих от одного на другое...» [1, с. 42]. В. В. Харчев отмечал, что гриновская метафора «...возникает при самых неожиданных, иногда неуловимых ассоциативных связях, мы чувствуем, как внутри её клубится пылкая фантазия, родственная детскому домысливанию, но она как будто вложена в реально-вещественную оболочку» [10, с. 162].

Таким образом, образ Ассоль – это образ нежной, таинственной очаровательной девушки с чистой душой, которая верила в сказку и в Алые паруса.

Выводы. Александр Грин – замечательный, мечтательный, таинственный писатель, который воплотил свою мечтательность и фантазию в повести-феерии «Алые паруса». Главная героиня повести – мечтательная, наивная, очаровательная. Она поверила в мечту, которая сбылась. Ассоль умеет любить и ждать. Для автора важна мелодичность имени Ассоль, лёгкость, чистота и глубина её образа. Всего этого Грин добивается, употребляя тропы, прежде всего эпитеты, индивидуально-авторские метафоры и сравнения. Источником ярких метафор является синтагматический фактор – изменение привычной лексической сочетаемости лексем. Образ Ассоль создаётся и при помощи использования характеризующих динамичных глаголов и наречий, а также с опорой на словообразовательные средства экспрессивности.

-
1. Грин А. С. Алые паруса / А. С. Грин. Собрание сочинений в 6 т. – Москва: Правда, 1965. – Т. 3. – С. 3–65.
 2. Калинин В. М. Поэтика онима: монография / В. М. Калинин. – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.
 3. Калинин В. М. Знакомьтесь: поэтонимология: 2 / В. М. Калинин // Неофилология. Серия «Филологические науки и культурология». – Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2017. – Т. 3. – № 1 (9). – С. 10–17.
 4. Магазаник Э. Б. Поэтика имён собственных в русской классической литературе: Имя и подтекст: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Самарк. гос. ун-т им. Алишера Навои. – Самарканд, 1967. – 24 с.
 5. Михайлов В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX в., их функции и словообразование: дисс. ... канд. филол. наук. – Симферополь, 1955. – 501 с.
 6. Михайлов В. Н. О специфике литературной ономастики / В. Н. Михайлов // Вопросы стилистики. – Саратов: Изд-во СГУ, 1988. – С. 3–19.
 7. Попа Н. Д. Приёмы символизации в поэтике А. С. Грина: семантико-стилистический аспект / Н. Д. Попа // Александр Грин: человек и художник: материалы XIV Международной научной конференции (Крым, Феодосия 8–12 сентября, 1998 г.). – Симферополь: Крымский Архив, 2000. – С. 162–164.
 8. Романенко В. А. Лингвопоэтическая система сквозных символов в творчестве А. Грина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / В. А. Романенко. – Москва, 2000. – 20 с.
 9. Словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва, 1938. – 1040 с.
 10. Харчев В. В. О стиле «Алых парусов» А. С. Грина / В. В. Харчев // Русская литература. – Ленинград. – 1972. – № 2. – С. 157–167.

The article examines the image of Assol, the heroine in A. Green's extravaganza «Scarlet Sails», through a word and combinations of words. The postulate of literary onomastics is the position that a proper name in a work of art acts as a poetonym. The poetonym that names the character reflects the writer's desire to make his own name reflect the inner essence of the character. A. Green achieves this by using a combination of linguistic means - lexical, derivational, syntactic. An important place is given to syntagmatics, which is the source of the formation of tropes and figures of speech.

Keywords: *A. Green, extravaganza «Scarlet Sails», poetonym Assol, paths, syntagmatics.*

И. В. Чепурина, Э. С. Марченко

Идиоматичные производные в художественной прозе В. И. Даля

В статье исследуются субстантивные единицы с идиоматической семантикой, извлечённые из художественных произведений В. И. Даля, с точки зрения их семантики и словообразовательной структуры. Выделены производные дериваты со значением лица и с абстрактным значением. Рассмотрены способы подачи идиоматичных производных слов в «Толковом словаре живого великорусского языка».

Ключевые слова: *Словарь В. Даля, идиоматичность, идиоматическая семантика, производное слово, словообразовательная и морфемная структура.*

Введение. В современной науке наследие Владимира Ивановича Даля изучено во многих аспектах. В. И. Даля относят к учёным-лингвистам мирового уровня наряду с А. Х. Востоковым, Ф. И. Буслаевым, И. И. Срезневским, А. А. Потемной. Заслуги и открытия Даля-прозаика, этнографа и фольклориста в истории культуры и литературы XIX века общепризнаны.

Имя Владимира Ивановича Даля в нашем сознании ассоциируется прежде всего с «Толковым словарём живого великорусского языка», который венчает творчество учёного (1863–1866). Словарь является не только толковым лингвистическим, он включает в себя энциклопедическую информацию, что соответствует лексикографии XXI века. По богатству и ценности фактического материала, по тонкости языковых наблюдений этот труд остаётся неисчерпаемым источником для изучения русского языка. Не менее известным и значимым является сборник «Посло-

вицы русского народа», включающий более тридцати тысяч пословиц, поговорок и метких слов. По правдивости и яркости запечатлённой жизни большинство из них – истинные произведения искусства.

Знаменитость Даля как лингвиста, фольклориста и этнографа дополняется известностью учёного как автора очерков, рассказов, повестей из русской народной жизни и русских народных сказок. Наиболее ценными в литературно-художественном наследии В. И. Даля считаются его произведения, связанные с направлением «натуральной школы», центральное место в которой занял простой мужик, крепостной крестьянин. При этом, как справедливо отмечает А. И. Байрамукова [1, с. 6], все далевские тексты лингвоцентричны, они взаимодействуют друг с другом и со Словарем живого великорусского языка посредством лексикографической проработки терминологии, словарного состава текстов. Полагаем, что лингви-

стический анализ языковых фактов, зафиксированных как в Словаре, так и в контекстах прозаических произведений Даля, который предлагается авторами настоящей статьи, также является яркой иллюстрацией корреляции всех типов текстов учёного.

Объект нашего исследования – производные единицы с идиоматической семантикой, извлечённые из художественных произведений В. И. Даля, *предмет* исследования – семантика и словообразовательная структура данных дериватов. В качестве *методов исследования* применялись методы компонентного, контекстологического, лексико-семантического и словообразовательного анализа.

Цель статьи – проанализировать словообразовательную структуру и семантику производных имён существительных, лексическое значение которых не равно сумме морфем, составляющих слово.

Картотека языковых фактов составлена на основе художественной прозы В. И. Даля, в частности таких произведений, как «Болгарка», «Двухаршинный нос», «Павел Алексеевич Игривый», «Уральский казак», «Две былины», «Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей», «Хлебное дельце».

Изложение основного материала. М. В. Панов понимал «идиоматичность» («фразеологичность») как важнейший признак слова, суть которого сводится к тому, что значимость целого слова не равна сумме значимостей его частей. Слово как целое почти всегда значит больше, чем его части. Применительно к производному слову это означает, что его значение не равно простой сумме значений морфем, из которых состоит его основа, не выводится из них [6].

Т. А. Сидорова рассматривает различные аспекты фразеологизации лексем. Например, расширение лексического значения корня применительно к фразеологизированной лексеме «писатель»

(‘тот, кто пишет профессионально художественные произведения’) [9]. Согласно научным исследованиям А. В. Кунина, О. С. Ахмановой, В. М. Мокиенко, понятие «идиома» является синонимом термину «фразеологизм» [8, с. 84–88]. Исследователь А. А. Реформатский понимал под идиомами определённые устойчивые выражения. К. Н. Мочалина называет идиоматичностью общее качество определённого ряда языковых единиц, способных соединяться в единую структурно-семантическую группу [5, с. 680–684].

О. П. Ермакова исследует характеристику идиоматичности слова как фразеологичность семантики того или иного деривата [3, с. 176–184]. Изучая его семантику, лингвист выявляет дополнительные приращения смысловых компонентов – «смысловые приращения». Такие дополнительные смысловые значения зачастую не получают в лексемах структурного выражения. Фразеологичность слова предполагает устойчивость и метафоричность его значения, а также воспроизводимость [3, с. 179].

Мы придерживаемся понимания «идиоматичности», сформулированного М. В. Пановым как невыводимость целого лексического значения производного слова из суммы семантического содержания его структурных элементов – морфем.

Наш фактический материал распределён на производные со значением лица и на дериваты с абстрактным значением.

Производные со значением лица

В художественной прозе В. И. Даля встречаются простые и сложные по структуре субстантивные производные лексемы с идиоматической семантикой. Например, «смотритель», «извозчик», «понукалка», «нахлебник», «баснослов», «блюдолиз».

- Слово с идиоматической семантикой «смотритель» в Словаре В. И. Даля толкуется как *‘смотритель чего, над чем, надзиратель, блюститель, наблюдатель, начальник, приставленный для надзору, порядку; эзекутор’*

[2]. Лексема «смотритель», означающая определённую должность, образована от основы мотивирующего глагола «смотреть» с помощью суффикса -и/тель-. Определённые семантические компоненты слова не отражены в его структуре (профессиональная деятельность, подразумевающая наблюдение за порядком, распоряжения и т. д.). Образ смотрителя почтовой станции представлен в произведении А. С. Пушкина «Станционный смотритель». Анализируемая лексическая единица встречается в контексте произведения В. И. Даля «Болгарка»: «...*лежит при последнем издыхании унтер-офицер, заведовавший тут должностью **смотрителя***».

• В словарной статье с вершиной «извозить» («промышлять перевозкою, доставкой товаров на лошадях») находятся лексические единицы со значением: «извозничать», «извозничанье», «извозник», «извозничий», «извозчик», «извозчиков», «извозчиный», «извозчиное» [2]. Производное слово «извозчик» также содержит сему «профессия», не отражённую в его структуре. Анализируемая лексема образована от основы существительного «извоз» («действие того, кто извозит; промысел гужевой доставки, перевозки товаров») в результате суффиксального способа словообразования [2]. Суффикс -чик-вносит семантику лица, связанного с определённой деятельностью. Лексема «извоз» образована в результате усечения основы глагола «извозить» («промышлять перевозкою, доставкой товаров на лошадях») [2]. Компоненты лексического значения понятия «извозчик» («промышлять», «на лошадях») не выражены в структуре слова [2]. Исследуемое слово с идиоматическим значением зафиксировано в тексте произведения «Двухаршинный нос»: «...ну, **извозчик**, теперь мы с тобой выехали на простор: за рогаткой не будет езды такой, как в городе, и разговаривать тебе свободно: сказывай же!», «...*вот он и пойдёт наряжать тебя раз в раз, как требуют **извозчика** в часть, глядеть, когда над нашим*

братом расправа бывает, за какую провинность...».

• В Словаре В. И. Даля глагол «понукасть *кого*» означает: «побуждать (понуждать), погонять, торопить, заставлять, нудить торопя, нукать» [2]. Зафиксированы в данной словарной статье также имена существительные *понукальщик, понукальщица, понукала, понукалка, понужала* («кто понукает») [2]. Лексема «понукалка» образована от основы глагола «понукасть» в результате суффиксации. Мотивирующий глагол «понукасть» образован от междометия «ну-ка» («давай, берись, делай, ну что ли») в результате префиксально-постфиксального способа словообразования [2]. «Нукать, нукнуть, нуковать, понукасть» означает: «понуждать, нудить, гнать, торопить, погонять, ободрять покрикивая...» [2]. В произведении «Павел Алексеевич Игривый» встречается исследуемое производное слово: «...*лицо это было известно в доме под должностным званием **понукалки**...*».

• В Словаре В. И. Даля отмечена лексема с идиоматическим значением «нахлебный» («относящийся до нахлебства, нахлебничания, до бытности кого у кого на хлебах, на пище») [2]. Такая семантика присуща и производным лексическим единицам: «нахлебничать», «нахлебничанье», «нахлебник», «нахлебница», «нахлебничий», «нахлебство» [2]. Отфразеологический дериват «нахлебник» образован от производящего слова «нахлебный» с помощью суффиксального способа. Основой для возникновения данной мотивирующей лексемы стало фразеологическое выражение «на хлебах» («чых»: «на чьём-либо иждивении, содержании») [10]. Способ словообразования – префиксально-суффиксальный. Анализируемая лексема встречается в контексте произведения «Уральский казак»: «*Пусть живет **нахлебником**, – говаривал старик, – не обидит нас, не объест*».

• В Словаре В. И. Даля лексема «миф» содержит производное слово с идиоматическим значением: «происшествие или человек баснословный,

небывалый, сказочный; иносказание в лицах, вошедшее в поверье» [2]. Кроме того, зафиксированы производные слова «баснослов» ('враль, празднослов'), «баснословный» ('мифологический') [2]. Лексема «баснословный» образована от основы глагола «баснословить» ('лгать, пустословить, плести небылицу') в результате суффиксального способа словообразования. В «Большом толково-фразеологическом словаре» М. И. Михельсона исследуемое слово с фразеологической семантикой толкуется как 'неимоверный, невероятный, необыкновенный (намёк на мифологическое)' [4]. Анализируемая лексическая единица встречается в контексте произведения «Две былины»: «...но есть небольшое число замечательных лиц минувших веков, лиц, обратившихся в **баснословные** видения и живущих в памяти народной в течение нескольких веков». Несколько раз лексема «баснословный» со сходным значением употребляется в повести «Вах Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей»: «...итого семьсот, сумма почти **баснословная**...», «...дело казалось ему **баснословным**...».

- Отфразеологический дериват «блюдолиз» ('кто облизывает блюда; прихлебатель, охотник до чужих обедов, гостейник') образован в результате соединения основ компонентов словосочетания «лизать блюда» с интерфиксом -о- [2]. В Словаре В. И. Даля встречаются также лексеммы со сходным идиоматическим значением («блюдолизница», «блюдолизка») [2]. Значение лексической единицы «блюдолизничать» также обладает идиоматичностью: 'искать чужих обедов, обедаться на чужой счет' [2]. Сходная семантика присутствует в основе слов «блюдолизничанье» и «блюдолизничество» ('действие по глаголам') [2]. Компоненты лексического значения 'прихлебатель, охотник до чужих обедов' не выражены в структуре слова [2]. Исследуемое слово встречается во фрагменте произведения «Хлебное дельце»: «...она, как ни бестолкова,

как ни привыкла себе барничать да нашего брата похуже своего **блюдолиза** считать...».

Производные с абстрактным значением

Представлены простыми по структуре дериватами «горячка», «припадок», «складчина», «похождение», «подбой» и сложением «навей-ветер».

- В Словаре В. И. Даля встречается толкование заболевания «горячка»: 'общее воспаление крови в человеке или животном: жар, частое дыхание и бой сердца...' [2]. Лексема образована от основы прилагательного «горячий» ('сильно нагретый; жаркий, накаленный или разожжённый; вскипячённый; огненный, пылкий, рьяный, ретивый; вспылчивый, запальчивый') в результате суффиксации [2]. В произведении «Болгарка» анализируемое слово с идиоматической семантикой встречается несколько раз: «чума – первообраз **всех горячек**; она соединяет в себе все **горячки** и лихорадки и обнаруживается припадками ломотной, простудной, желудочной лихорадки, нервической, гнилой и гастрической **горячки**...». В данном контексте лексическая единица употреблена в форме множественного числа, подразумевающее уже несколько другое значение, со смысловым приращением – 'множество болезней, простуд'.

- В Словаре В. И. Даля встречается определение слова «**припадок**»: 'внезапная, бурная и короткая болезнь; приступ болезни, особенное временное проявление ее' [2]. Лексема «припадок» образована от глагола «припадать» ('хворать, хилеть, недомогать, болеть') при помощи суффиксального способа словообразования [2]. В произведении «Болгарка» также встречается производное слово с идиоматическим значением – «припадки»: «...действуют только отдельно, на более или менее значительные **припадки** этих болезней...». В данном контексте производное слово употреблено в форме множественного числа со смысловым приращением – 'множество приступов болезни'.

- В Словаре В. И. Даля встречается существительное «складчина» («складина»), значение которой передано при помощи синонимического способа толкования – ‘внос многими по паю, по доле, деньгами или припасами, для общей торговли, для промысла, для общего пользования, или для сбора, общими силами, суммы’ [2]. Лексема «складчина» образована от глагола «складывать» с помощью суффикса -чин-, выделяющегося в имени существительном женского рода со значением действия, свойственного мотивирующему глаголу. Анализируемая лексическая единица с идиоматической семантикой обладает широким значением (‘внос по паю, по доле, деньгами, припасами, для торговли, промысла, общего пользования, сбора’). Зафиксировано в повести «Болгарка» – *«готовы были исправить все опять своими же руками и сделать складчину»*.

- Производное слово с идиоматической семантикой «похождение» образовано от глагола «ходить» (‘бывать где, быть вхожу’) в результате префиксально-суффиксального способа словообразования [2]. Лексема «похождение» обладает отрицательной коннотацией. Префикс по- вносит семантику совершения действия в течение некоторого времени. Слово употреблено в произведении «Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей»: *«...говорил без умолку, рассказывая все похождения свои в каком-то полунервическом раздражении чувств и духа»*.

- В контексте произведения «Хлебное дельце» зафиксировано слово с идиоматическим значением «подбой»: *«...вся штука в сёмте, чтоб притянуть между делом к прикосновенности с человека с подбоем»* [2]. Лексема «подбой» образована от глагола «подбить» в

результате усечения основы и нулевого суффикса. В Словаре В. И. Даля находим «подбиваться под кого»: ‘вкрадываться в чью доверенность, подольщаться, искать в ком лестью, лукавством’ [2]. Многие компоненты значения не выражены в структуре анализируемого понятия.

- Фрагмент текста «Уральский казак» содержит производное слово с идиоматической семантикой «навей-ветер»: *«...он (Проклятов) и сам продолжает своё, облегчая только стеснённое положение своё бранью, навеи-ветер»*. Лексема образована в результате сложения двух единиц: глагола в форме повелительного наклонения, единственного числа «навей» и существительного в форме единственного числа, мужского рода, именительного падежа «ветер» [2].

Выводы. В художественной прозе В. И. Даля встречаются простые и сложные по структуре лексические единицы с идиоматической семантикой, которые можно разделить на слова со значением лица и абстрактной семантикой. Отфразеологические дериваты образованы на основе фразеологического сочетания. Невыводимость значения, свойственная фразеологическим единицам, отразилась в производных словах.

В целом, уникальное творчество В. И. Даля во взаимодействии различных типов текстов и языковых фактов, представляющих разные области знания, является результатом комплексного взаимодействия различных типов научной рациональности, которые можно представить как сложные подсистемы: естественнонаучного, гуманитарного знания, художественного творчества. Система многопланового творчества В. И. Даля – сложная модель человеческого знания, представленная в деятельности одного человека, которая еще ждёт достойной оценки.

-
1. Байрамукова А. И. Лингвоэнциклопедизм В. И. Даля в свете его системной лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / А. И. Байрамукова, Махачкала, 2015. – 46 с.
 2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – Москва, 1935–1940. – 2720 с.
 3. Ермакова Е. Н. Отфразеологическое словообразование в современном русском языке: причины, условия, механизм / Е. Н. Ермакова. – Тобольск, Вестник ЧГПУ, 2012. – С. 176–184.
 4. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. / М. И. Михельсон. – Москва: ТЕРРА, 1997. – Т. 1–2.
 5. Мочалина К. Н. К определению понятия «идиома» в отечественной и зарубежной лингвистике / К. Н. Мочалина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара: СамНЦ РАН, 2011. – С. 680–684.
 6. Панов М. В. О слове как единице языка // Учёные записки МГПИ им. В. П. Потёмкина. – Москва, 1956. – Т. 51. – Вып. 5. – С. 129–165.
 7. Петров А. В. Отфразеологическая деривация сквозь призму базовых понятий словообразования / А. В. Петров // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 9. – Донецк: Изд-во «Донеччина», 2004. – С. 242–264.
 8. Савицкий В. М. Речевая идиоматичность и речевой идиоэтизм / В. М. Савицкий // Поволжский педагогический вестник. – Самара: СГСПУ, 2016. – С. 84–88.
 9. Сидорова Т. А. Проблема мотивированности слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке (системно-функциональный и когнитивный аспекты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Сидорова. – Нижний Новгород, 2007. – 51 с.
 10. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. / А. И. Фёдоров. – Москва: Астрель, 2008. – 828 с.

The article examines substantive units with idiomatic semantics, extracted from the works of art by V. I. Dal, from the point of view of their semantics and word-formation structure. Derivatives were subdivided into derivatives with a face value and with an abstract meaning. The ways of presenting idiomatic derivative words in the Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language are also considered.

Keywords: *Dictionary of V. Dahl, idiomaticity, idiomatic semantics, derivative word, word-formation and morphemic structure.*

УДК 78.07-008(470.75)

И. А. Бобовникова

К истокам отечественной музыкальной культурологии: Александр Николаевич Серов в Крыму

Статья посвящена значению научного наследия А. Н. Серова, одного из основоположников отечественной художественной критики, являющегося автором термина музыкознание (музыкальная культурология) и первого теоретического исследования русской народной песни. В статье проанализированы работы Серова, связанные с крымским периодом его жизни, в которых сформированы идейно-эстетические принципы, основанные на «правде» и «высшей красоте» в искусстве.

Ключевые слова: *А. Н. Серов, Крым, музыкальная культурология (музыкознание), искусство, художественная критика.*

Введение. Первое двадцатилетие нынешнего века – по всемирно известным (в прямом смысле) «обстоятельствам» – осталось в истории годом нереализованных, в должной мере, социокультурных проектов. Назначение последних – уплотнение и упрочнение «точек» пространства культуры, в которых формируется и укрепляется (воспроизводится, «оживляется») **традиция**. Особая роль в данных процессах принадлежит «юбилейным» проектам. Отметим также: *должная мера здесь* – достаточный комплекс мероприятий, символизирующий благодарную память потомков в отношении людей и связанных с ними событий, в историческом прошлом создававших то, что впоследствии стало **традицией**.

Незавершённость упомянутых выше «обстоятельств» предопределила актуальность цели (сформулированной в заголовке), а обстоятельства жизненного и творческого пути Александра Николаевича Серова (1820–1871) – его особый научный «топос» в истории отечественной культурологии.

Изложение основного материала. Изучение наследия А. Н. Серова («Статьи о музыке» в 7 томах, изданные в Москве в 1985–1990 гг.) и биографии позволяют, по нашему мнению, закодировать его научное «жизнетворчество» в слове «первоцентрист». Перечисление фактов, маркируемых словом «впервые», и аргументирование «серединности» (как отсутствие крайностей в художественно-эстетической концеп-

ции) приводятся ниже. И в первую очередь подчеркнём значение «фигуры» А. Н. Серова как конкретный пример центрированности национальной (российской) и региональной (крымской) культур. Именно в Крыму, в Симферополе, куда Александр Николаевич в 1846 г. прибыл по назначению Министерства юстиции «товарищем» (в современном значении – заместителем) судьи и служил до 1850 г. (но Крым полюбил и неоднократно возвращался, проживая в имении «Бурлюк» близ Бахчисарая), начался путь в «научное бессмертие». Важным представляется следующий факт: по возвращении в Петербург Александр Николаевич вышел в отставку, чтобы реализовывать (и это с очевидностью удалось) идеи, родившиеся в нашем городе. Так, публикация в 1847 г. статьи «Музыкальное известие» [3, с. 7–8] стала исходной точкой его музыкально-критической деятельности «на всю оставшуюся жизнь», а суть «известия» раскрывается обнаружением брауншвейгского мастера по изготовлению роялей г-на Фердинанда Гаака: «...редкое явление в небольшом губернском городе, так удалённом от столиц. Лучшее для него похвалою служат рояли, сделанные им в Симферополе. Я неожиданно встретил эти превосходные инструменты <...> которыми в провинциях, к сожалению, мы так ещё бедны» [Там же, с. 7]. Описание качества звукоизвлечения, строя, механизма, отделки и стоимости (в ассигнациях и рублях серебром) весьма важно в аспекте последующей последовательной *борьбы* А. Н. Серова-критика с пошлостью и дурновкусием в искусстве (в том числе исполнение «плохой» музыки на некачественных инструментах). В этом ряду первый в России цикл публичных лекций о музыке (1858) и издание с 1867 г. первой специальной газеты «Музыка и театр».

Взаимообусловленность музыкально-критической и научно-популярнаторской деятельности опиралась на личную непримиримую позицию Серова: «Где целью – потеха толпы, рас-

чёты корыстные, там нет искусства... Музы с негодованием отвращаются от подобных злоупотребителей искусства... близко то время, когда наступит *всеобщая реакция* (курсив наш. – И. Б.) против грубых материальных эффектов, до которых унизили искусство гг. композиторы-акробаты» [4, с. 264]. Комментарий к данной 167-летней давности цитате в контексте некоторых «тенденций» современного искусства следующий: «потеха толпы» и «расчёты корыстные» – суть коммерциализация массовой культуры; поскольку музы «негодуют» и «отвратились», их место заняли «злоупотребители»; отсюда – процветание всяческих «акробатов», которые «креативят» (извинения автора за жаргонизм) на «унижении» искусства (примеров предостаточно в сфере так называемого переосмысления классики). Подчеркнём, что «*всеобщая реакция* против» не наступит без фундаментального целенаправленного, систематического эстетического воспитания и научно-просветительской работы, в первую очередь опирающейся на историю и теорию отечественной культурологии. Заметим, что фамилии некоторых «акробатов» остались (соответственно заслугам) в «негативной» истории благодаря критическим статьям и рецензиям А. Н. Серова.

Упомянутая выше непримиримая позиция в отстаивании духовно-эстетических ценностей искусства имела и лично-ориентированный характер. Известно, что Александр Николаевич является автором двух репертуарных опер: «Рогнеда» (1865) и «Вражья сила» (1871). Более ранняя «Юдифь» (1863) была менее популярной. Однако фактом остаётся следующее: первые композиторские опыты связаны с Симферополем, и две «ученические» оперы, оценённые им самим весьма самокритично, впоследствии были собственноручно уничтожены.

Возвращаясь к «исходной точке», важно отметить, что статья «Музыкальное известие» была опубликована в «Одесском вестнике» (№ 72). Одес-

са – крупнейший город Новороссии того времени, имевший с 1810 г. оперный театр. По мнению Владимира Васильевича Протопопова (1908–2004), редактора и комментатора «Статей о музыке» А. Н. Серова, а также «Статей о музыке» В. В. Стасова, «Критических статей» А. П. Бородина, ПСС М. И. Глинки, П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова, доктора искусствоведения, профессора Московской консерватории, «...это первое выступление Серова в печати. Вполне возможно, что в дальнейшем будут разысканы... статьи... о музыкальной жизни Симферополя и других городов Крыма... Материал для таких разысканий дают его письма к сестре, в замужестве Дю-Тур, и к В. В. Стасову» [3, с. 386]. Необходимо подчеркнуть, что первая публикация – в аспекте всего научного наследия А. Н. Серова – является свидетельством сложившейся идейно-художественной концепции автора. Иными словами, в пространстве культуры Крыма окончательно сформировались его эстетические принципы, в том числе под влиянием общения (личного знакомства) с гениальным маринистом И. К. Айвазовским, литературным критиком В. Г. Белинским (к тому времени уже опубликовавшим знаменитый цикл из 11 статей об А. С. Пушкине) и, особо отметим, – М. С. Щепкиным. Историческое значение театральные заслуг Михаила Семёновича в отечественной художественной культуре – как основоположника реализма в русском сценическом искусстве и реформатора русского театра – во всей полноте раскрывается в контексте всемирной известности К. Станиславского, который писал: «Старая школа переживания – Самарин, Щепкин – это наши одномысленники – это новое направление» [Цит. по: 1, с. 37]. В опоре, в том числе на достижения «одномысленника» М. С. Щепкина, Константин Сергеевич обозначил программу своей деятельности: «...содействовать развитию изящных вкусов в области сценических, музыкальных, художественных и пластических искусств

и способствовать распространению научных и литературных познаний...» [Там же, с. 38]. Данная цитата из Устава задуманного им в 1895 г. акционерного общества «Национальных общедоступных театров» манифестирует целеположенность художественной культуры, сложившейся к концу 19 в. в сфере искусства, критики и просвещения. Её (цитаты) уместность в нашей работе обосновывается смысловой тождественностью научно-эстетическим взглядам А. Н. Серова, сформировавшимся на полвека раньше и, соответственно, не в таких «очевидных» социокультурных обстоятельствах.

Вышеупомянутое «формирование», напомним, завершилось во время пребывания Александра Николаевича в Крыму, что удостоверяется двумя статьями: «Музыка и виртуозы» (с подзаголовком «Разговор между любителем пения, скрипачом-солистом и капельмейстером») и «Моцартов «Дон-Жуан» и его панегиристы». Они (статьи), в определенном смысле, являются, по нашему мнению, квинтэссенциальными в контексте всего научного наследия (подробный анализ которого здесь не ставился задачей). Другими словами, сформулированные в этих статьях идеи в дальнейшем последовательно «опредмечивались» различными социокультурными «поводами».

Статья «Музыка и виртуозы. Разговор...» [3, с. 27–42] была начата в Симферополе, о чём автор сообщает в письме русскому журналисту и критику В. П. Гаевскому (1826–1888) от 2 ноября 1850 г.: «Я скоро кончу одну статью, конечно музыкальную... «Разговор» будет не неинтересен – за это ручаюсь» [Цит. по: 3, с. 387]. В редакцию журнала «Библиотека для чтения» она отослана 20 февраля 1851 г., о чём свидетельствует письмо тому же адресату: «Вот, любезный Виктор Павлович, моя статья... надеюсь, что ещё не опоздал» [Там же]. В. В. Протопопов подтверждает важность этой работы для автора, ибо: «На другой день, 21 февраля, Серов сообщил (о статье. – И. Б.) А. А. Баку-

нину в Москву, где он останавливался на пути из Крыма в Петербург...» [Там же]. «Разговор...» изложен в непривычном для читателей дискуссионном формате (*впервые*) и затрагивает основную проблематику художественной культуры: воспитание эстетического вкуса публики, границы ответственности интерпретатора за достоверное «воссоздание» авторской идеи, роль искусства в жизни общества и особое место в ней музыки. Далее – в качестве аргументов – несколько цитат: «... все плохое в музыке... гораздо больше навязывается, чем в других искусствах. Плохую книгу вы закроете на второй странице, от плохой картины отвернетесь, а в музыке не так: пришли в концерт, чтобы выслушать кое-что, заманившее вас туда по программе, извольте выслушать...» [2, с. 31]; «Известное дело: чем музыка *глупее* (курсив наш. – И. Б.), тем она громче... нахально врывается в уши» [Там же, с. 32]; «Вообразите же себе какую-нибудь из... Шекспировских сцен, прочитанную равнодушным... голосом школьника... При чтении все-таки мысли-то дойдут до вас <...>. Так и на театре при плохом исполнении хороших пьес. А в музыке при дурном исполнении *вам ничего* (курсив наш. – И. Б.) не остаётся... Довольно, например, взять темп вдвое скорее или вдвое тише настоящего, чтоб исказить *весь смысл* (курсив наш. – И. Б.) музыкального произведения. <...> И на такое искажение почти никто не обращает внимания; к нему так привыкли, что отсутствие смысла считают *нормальным* (курсив наш. – И. Б.) человеческим качеством...» [Там же]; «...виртуозы вместо того, чтоб воспитывать вкус публики, бессовестно льстят её невежеству и капризам... угощают её собственными произведениями, в которых нет ни складу ни ладу... <...> ... сколько сотен раз случалось мне бежать из концерта... с горьким чувством... на все, что в наше время носит самозванное имя музыки, музыканта, музыкального наслаждения!...» [Там же, с. 35]; «...к такому наслаждению... первое условие – образованность слуха, музыкальная

начитанность... должно воспитывать вкус публики» [Там же, с. 38]; «...вкус публики повернулся к таким операм, для которых певцу не нужно *ничего, кроме отменно здорового горла* (курсив наш. – И. Б.) и крепкого дыхательного снаряда. <...> ...вся беда и тут, и там от вечного нелепого расчета на виртуозность. Заметьте... влиянию *моды* (курсив наш. – И. Б.) ни красота, ни правда не подвержены» [Там же, с. 38–39]; «Идеальные совершенства музыкального исполнения очень легко себе вообразить, вникая в совершенства игры актера-художника (вспомним общение А. Н. Серова с М. С. Щепкиным! – И. Б.) <...> Актёр... *исчезает* (курсив наш. – И. Б.) за передаваемым им лицом <...> нет пьесы, нет театра – есть только жизнь, характер... <...> Такое исполнение – чрезвычайная редкость на всех сценах в свете. Какова же доля музыки, которая... несравненно больше *нуждается* (курсив наш. – И. Б.) в превосходном исполнении...» [Там же, с. 40]; «С другой стороны, и композиторы должны стремиться к тому, чтоб их произведения как можно меньше выставляли напоказ механические совершенства... в ущерб *правде* (курсив наш. – И. Б.) и высшей красоте» [Там же, с. 41].

Подчеркнём, что количество приведённых выше цитат не представляется чрезмерным, ибо:

1) актуальность «правды», «высшей красоты» и наличие «самозванности» в искусстве в параллели к состоянию современного пространства художественной культуры приобрели, по нашему мнению, более обостренный характер (иным «певцам» сегодня и «горло» не нужно);

2) цитируемый «Разговор...» отражает контекст культурного «противостояния», в котором, на одной стороне – засилье гастролирующих итальянских оперных трупп (с обесмысливающей музыку виртуозностью и дурновкусием, что оправдано коммерческими целями), на другой – только «Иван Сусанин» с «Русланом и Людмилой».

Не менее важным обстоятельством в понимании специфики художествен-

ного пространства того времени стал «приход» в отечественную культуру В. А. Моцарта. Перипетии его жизненного и творческого пути взволновали даже А. С. Пушкина, а для молодого блестяще образованного А. Н. Серова музыка В. А. Моцарта оказалась «космосом», постижение (открытие для себя) которого заняло долгие годы. Так, в письме В. В. Стасову от 17 марта 1841 года читаем: «Должен сознаться, может быть, к стыду своему, что я еще совершенно *не понимаю* (курсив наш. – И. Б.) «Моцартова «Дон-Жуана» [Цит. по: 3, с. 401]; тому же адресату от 24 октября 1841 года: «У меня теперь в голове довольно серьёзный замысел... написать, может быть, публичную статью о Моцартовом «Дон-Жуане» (которого я все это время серьёзно изучал и совершенно на нём помешался)...» [Там же]; тому же адресату, через 12 лет (письмо от 10 января 1953 г): «Теперь же, в Крыму, разрешился огромной статьей «Моцартов «Дон-Жуан» и его панегиристы» (половину... страниц в сорок вчера отправил...) <...> Я очень хотел бы, чтобы ты поместил статью... в «Отечественные записки»... <...> ...и напечатает *исправнее* (курсив наш. – И. Б.), и прочитают в большом кругу смыслящей публики» [Там же, с. 400].

Статья «Моцартов «Дон-Жуан» и его панегиристы» [3, с. 266–385] – глубокая, масштабная, написана в узнаваемом (слегка ироничном) авторском стиле и оценена упоминаемым выше доктором искусствоведения В. В. Протопоповым как «одно из выдающихся достижений Серова-критика» [3, с. 401]. Последний – в письме Д. В. Стасову – раскрывает основной её посыл: «Я не могу согласиться с тобою о *необходимости* (курсив наш. – И. Б.) писать посжате. Верю, что повторения иногда утомительны, скучны, несносны; но при избранной мною манере критики полезны для дубинноголовых» [Цит. по: 3, с. 400]. К ним (хотя это слово в статье не встречается) А. Н. Серов относит тех, кто: «В пылу своего увлечения... развивая дифирамб... думает дать другим

верное понятие о всех красотах произведения... но вместо того только... затуманивает, затемняет чистый взгляд...» [3, с. 266], особенно – в отношении «знаменитых художественных произведений, которым давно уже дан диплом совершенства недостижимого» [Там же]. К таким шедеврам «решительно доступа нет сквозь густую толпу призванных и непризванных критиков и панегиристов. Критики разобрали тут каждую черточку, каждую нотку и снабдили... нескончаемыми комментариями, от которых пользы не очень много... а вреда немало...» [Там же, с. 270]. Проблема «вреда» от самопровозглашенных ценителей (знатоков, толкователей, интерпретаторов) не утрачивает актуальности (сегодня – это коучи, блогеры, консультанты по всем вопросам), ибо опирается на социокультурную константу: «Масса публики состоит из людей... не приготовленных к настоящему пониманию искусства; вот почему масса эта всегда руководится суждением знатоков...» [Там же, с. 268]. Отсюда – понимание необходимости научно-популяризаторской деятельности, которой А. Н. Серов уделял значительное внимание, к примеру, упоминаемые выше публичные лекции и издание просветительской газеты.

Необходимо подчеркнуть основную, по нашему мнению, идею А. Н. Серова, обусловившую его главную заслугу в истории отечественной культуры. Опора (*во-первых*) на: «... законы *общие* (курсив наш. – И. Б.) для всех искусств: для живописи, как для музыки, для скульптуры, как для драмы...» [там же, с. 267] и понимание (*во-вторых*), что «...под требования нашего «нынешнего идеала»... не может «совершенно подойти»... писанное для наших дедов. Другой век – другие нравы... отражаются и в поэзии, и в пластических искусствах, и на сценах драматических и оперных...» [Там же, с. 384–385], – послужили фундаментом теоретического подхода в художественной критике: «...при эстетической оценке всякого художественного произведения непременно надо иметь

в виду две стороны: первую – достоинство произведения *самого по себе* (курсив наш. – *И. Б.*), существующего для своей собственной, поэтической цели; и вторую – значение... *историческое* (курсив наш. – *И. Б.*), то есть в связи с другими... предшествовавшими ему произведениями. Обе эти стороны... должны быть обсуждены... в серьезной философской критике искусства, которая только... начинает деятельно разрабатываться в целой Европе...» [Там же, с. 268]. Такой подход исключает субъективный анализ: «...рефлексия неизмеримо далека от чисто объективной драматической поэзии (примирение рефлексии с объективностью не удалось даже великому Гёте во второй части его «Фауста») и решительно *несовместна* (курсив наш. – *И. Б.*) с поэзией «музыкальной», которая имеет дело прямо с сердцем, с душою...» [Там же, с. 281]. В конце статьи ещё раз подчеркивается: «Серьезная критика искусства давно решила, что понять степень... гениальности каждого художника нельзя иначе, как сравнив точнейшим образом его деятельность с тем, что искусство принесло ему в наследство» [Там же, с. 374].

Очевидный «сегодня» контекстный культурологический анализ в середине позапрошлого века стал научным «предвосхищением» А. Н. Серова, впоследствии (в 1864 г.) закреплённым термином «музыказнание». *Впервые* употребив его, Александр Николаевич обозначил специфику музыкальной культурологии, отличающейся от классического музыковедения, сложившегося в Западной Европе. В этом же ряду, на наш взгляд, находится и работа «Русская народная песня как предмет науки» (1860), положившая начало музыкальной этнографии (в Западной Европе с 40-х гг. 20 в. – этномузыкология). Иными словами, благодаря А. Н. Серову музыкальный фольклор из сферы собирания и записывания *«переместился»* в аналитическую «оптику».

Возвращаясь к статье о «Дон-Жуане» Моцарта, отметим, что крити-

куемым «панегиристом» (от греч. – похвальная публичная речь, в переносном смысле – неоправданное восхваление) стал Александр Дмитриевич Улыбышев (1784–1858), «...русский публицист, музыкальный критик, драматург, общественный деятель. Самобытный учёный, знаток и ценитель музыки, скрипач-любитель» (см. подробнее: [2, с. 565]). Приведём цитату, извиняющую «пафос» Серова-критика: «Но чья невидимая рука приостановила оркестр? Ритм как будто исчез <...> ...это душа Командора коснулась нас своим дыханием! Отец Донны Анны покинул звездные пространства... и, пролетая, ниспослал благословение своей дочери...» [3, с. 337–338].

Следует отметить, что данная статья А. Н. Серова – как эталон музыкально-критического подхода – заслуживает отдельного подробного анализа, поскольку затрагивает важные культурологические аспекты сценического искусства (к примеру, об «андалузских мужиках», неразлучных «с пудрою и французскими кафтанами» (см. подробнее: [Там же, с. 330]); и протест против «...жестоких искажений, которым самые лучшие в свете оперы подверглись, перейдя с итальянской сцены, например, на немецкую или... на французскую и на русскую <...> ...здесь вообще необходим особенный талант... с самым глубоким пониманием... художественных намерений композитора [Там же, с. 322] и ряд других важных оперных «нюансов». Отдельно отметим, что проблема некачественных переводов оперных либретто («...подстрочный, буквальный перевод... текста под готовую музыку – совершенная невозможность в тысяче случаев... неразлучных со смыслом... После этого понятно, как редко может встретиться... хороший перевод оперного текста под такую музыку, как Моцартова» [Там же, с. 322–323]) – является частью борьбы за смысл не только в искусстве, но и в художественной критике. В подтверждение – статья «Вавилонское столпотворение» [4, с. 16–20]

о транскрипции и транслитерации терминов (опубликована в 1856 г.), которые «заимствованы... с итальянского... латинского... немецкого... переделаны из иностранных слов, с прибавкою русских окончаний... <...> ...в писании этих слов и терминов господствует совершенный произвол...» [Там же, 5, с. 16]. И после конкретных примеров анализа, в конце: «Так и хочется внушить всем пишущим о музыке, что пора быть пограмотнее или вовсе не писать» [Там же, с. 20].

Необходимо констатировать, что довольно объемный корпус цитат в нашей работе соответствует общепринятой закономерности: подтверждение актуальности исторических заслуг Личности сопряжено с «прямой трансляцией» её наследия. Из последнего – наиболее подробное внимание уделено статьям, связанным с Крымом, культурное пространство которого стало местом «научного рождения» А. Н. Серова.

Выводы. Одним из факторов (из разряда «навсегда») своеобразия отечественной художественной культуры является её биполярность. Иными словами, наличие двух мощных культурных «топосов» (Москва – Петербург) предопределяло специфику художественной жизни России и в 19 в. (к примеру, «Могучая кучка» в Петербурге и П. И. Чайковский в Москве). Достижения критической мысли об искусстве того времени (до публикаций А. Н. Серова) были представлены «фигурами» В. Ф. Одоевского¹ и В. В. Стасова².

В контексте указанной биполярности (усиливаемой известным противостоя-

нием «западников» и «славянофилов») художественно-критическое наследие А. Н. Серова занимает «центристское» место. Последовательно и настойчиво декларируемая опора на «правду» и «высшую красоту» позволила ему: 1) предугадать гений Р. Вагнера, не написавшего ещё своих самых знаменитых опер («Это голова чрезвычайно замечательная. Это поэт, музыкант и философ. Его обсыпали градом самых злых сарказмов...» [5, с. 34]); 2) «защитить» от непонимания Девятую симфонию Л. ван Бетховена, которую надо рассматривать в контексте всего симфонического творчества («...что неразлучно с таким условием – знать и понимать всё, что создано... чуть ли не от ноты и до ноты» [4, с. 254]); 3) создать первый цикл статей об опере в процессе композиторского творчества («Русалка». Опера А. С. Даргомыжского [5, с. 42–137]), оценённый как «крупнейшее достижение русского классического музыкознания (курсив наш. – И. Б.)» [Там же, с. 321].

Самая (в определённом смысле) «свежая» монография об А. Н. Серове датирована 1988 г. Это работа доктора искусствоведения, профессора Киевской консерватории Марины Романовны Черкашиной-Губаренко [6]. «Симферопольские встречи» – так названа глава, посвящённая крымскому периоду жизнетворчества основоположника музыкальной культурологии. Надеемся, что наша скромная статья «пригласит к встрече» с Александром Николаевичем Серовым знатоков и любителей отечественной художественной культуры.

¹ Создатель «Артистического кружка» и философского «Общества любомудрия» в Москве, почётный член Русского музыкального общества и Московской консерватории Владимир Федорович Одоевский (1804–1869) считается одним из основоположников русского классического музыковедения. Он боролся за создание в Москве постоянного русского оперного театра, ввёл в художественную литературу образы музыкантов (И. С. Баха и Л. ван Бетховена), был знатоком древнерусского церковного пения и народной песни (подробнее см.: [2, с. 393]).

² Историк искусства, почётный член Петербургской академии наук, русский музыкальный и художественный критик Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) — деятель энциклопедического типа, пропагандист и «пылкий» полемист, иногда излишне критичный и односторонний (недооценил творчество П. И. Чайковского), автор первой, тщательно документированной биографии М. И. Глинки, идейный вдохновитель эстетических и творческих принципов «Могучей кучки» (подробнее см.: [2, с. 520]).

1. Калашников Ю. С. К. А. Станиславский и проблемы реализма в русском искусстве начала XX века / Ю. С. Калашников // Русская художественная культура конца XIX – начала XX века (1895–1907). Книга первая. – Москва: Наука, 1968. – С. 37–65.

2. Музыкальный энциклопедический словарь / главный редактор Г. В. Келдыш. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.

3. Серов А. Н. Статьи о музыке: в 7 вып. / А. Н. Серов; сост. и коммент. В. А. Протопопова. – Москва: Музыка, 1984. – Вып. 1 (1847–1853). – 415 с.

4. Серов А. Н. Статьи о музыке: в 7 вып. / А. Н. Серов; сост. и коммент. В. А. Протопопова. – Москва: Музыка, 1985. – Вып. 2 А (1854–1856). – 352 с.

5. Серов А. Н. Статьи о музыке: в 7 вып. / А. Н. Серов; сост. и коммент. В. А. Протопопова. – Москва: Музыка, 1986. – Вып. 2 Б (1856). – 351 с.

6. Черкашина М. Р. А. Н. Серов / М. Р. Черкашина. – Москва: Музыка, 1988. – 168 с.

The article is devoted to the significance of the scientific heritage of A.N. Serov, one of the founders of Russian art criticism. He is the author of the term musicology (musical culturology) and the first theoretical study of Russian folk songs. The article analyzes the works of A.N. Serov associated with the Crimean period of his life. They formed ideological and aesthetic principles, which are based on «truth» and «higher beauty» in art.

Keywords: *A. N. Serov, Crimea, musical culturology (musicology), art, art criticism.*

И. Г. Матросова, А. А. Коваленко

Реализация визуальной метафоры в контексте коммуникативного дизайна

Статья посвящена анализу использования визуальной метафоры в коммуникативном дизайне. Визуальная метафора рассматривается как одно из важнейших средств при создании коммуникации в рекламе при разработке логотипов и мобильных приложений, гейм-дизайне, поскольку позволяет привлечь внимание потребителя, затрагивая его воображение и эмоции, и становится инструментом, способным донести до целевой аудитории утилитарные преимущества товара или услуги.

Ключевые слова: коммуникативный дизайн, визуальная метафора, визуальные тропы, аллегория, символ, метонимия, омонимы и синонимы.

Введение. В контексте современного коммуникативного дизайна используются различные способы и методы создания коммуникации. Одними из самых популярных, зачастую используемых дизайнерами интуитивно, являются средства визуальной коммуникации, которые включают в себя различные визуальные тропы: метонимию, синонимию, антонимию, аналогию, аллегорию, метафору.

При сознательном проектировании объекта коммуникативного дизайна необходимо уметь различать вышеупомянутые тропы, использовать их как отдельно, так и в комплексе. Одним из самых ярких тропов является визуальная метафора, которая во многом схожа с метонимией, поэтому вопрос о её отличиях от других средств визуальной коммуникации ставится остро и является актуальным для дизайнеров нашего времени.

Понятие метафоры с лингвистической точки зрения рассмотрено О. И. Глазуновой в работе «Логика метафорических преобразований». В труде

Р. Хоффмана «Что исследования времени реакции могут рассказать нам о понимании метафор» («What could reaction-time studies be telling us about metaphor comprehension») метафора анализируется как средство коммуникации, которое может быть применено не только в языковых науках, но и во многих других сферах, в том числе и дизайне. Понятие визуальной метафоры в дизайне рассматривали такие авторы, как Е. Жердев, Е. В. Черневич, И. Н. Стор, Е. Карповская, А. А. Давтян, Е. М. Исакова, Н. Ф. Крюкова и другие.

Объект исследования – визуальные коммуникации в дизайне. *Предмет* исследования – визуальная метафора в контексте коммуникативного дизайна.

Цель исследования – рассмотреть понятие визуальной метафоры, выявить её отличия от других визуальных тропов, изучить варианты реализации визуальной метафоры в контексте коммуникативного дизайна.

В качестве основного метода исследования использовался анализ литературных источников и Интернет-ресурсов.

Изложение основного материала.

Метафора представляет собой сложное явление, поэтому вызывает активный интерес исследователей. Несмотря на то что приоритет исследований метафоры имеет лингвистический аспект, всё больший интерес к ее природе проявляют теоретики дизайна. С точки зрения лингвистики, наиболее распространённым является следующее понятие: «Метафора (метафорическая модель) – уподобление одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств, действий, характеризующих эти явления, в результате которого слова (словосочетания, предложения), предназначенные для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, употребляются для наименования других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков» [1, с. 177–178].

В формировании метафоры принимают участие два разных понятия, которые, вступая в контакт, образуют слово или выражение, в рамках которого и происходило взаимодействие. Однако метафора применяется не только в контексте лингвистики. Например, Р. Хоффман писал, что метафора может быть применена в различных сферах: «...в психотерапевтических беседах и в разговорах между пилотами авиалиний, в ритуальных танцах и в языке программирования, в художественном воспитании и в квантовой механике» [8, с. 152]. Учёный также полагал, что метафора упрощает взаимодействие между людьми, обогащает ум, стимулирует воображение и способствует образованию новых связей нейронов [Там же].

Исследование Л. В. Калашниковой позволяет объяснить интерес дизайнеров к метафоре. Автор указывает не только на многофункциональность метафоры, выявляя такие ведущие функции, как коммуникативную и когнитивную, но и подчёркивает её моделирующую природу. По мнению Л. В. Калашниковой, метафора «...способна изменить наше видение мира,

способ восприятия вещей, влияя на восприятие и понимание дискурса», то есть практически позволяет моделировать действительность [5, с. 93].

Однако помимо метафоры в дизайнерских решениях находят отражение такие средства, как аллегория, символ, метонимия, омонимы и синонимы [3, с. 6]. Определим основные отличительные черты визуальной метафоры.

Визуальная метафора (либо изобразительная метафора) является наиболее изученной метафорой с невербальным способом выражения. Это понятие можно определить следующим образом: визуальная метафора – это изображение, которому присущи определённая структура и несочетаемость её составляющих, воспринимаемая зрительно, стимулирующая к установлению метафорической проекции двух когнитивных областей для понимания заложенного в него смысла [4, с. 97].

Сравним значения других визуальных тропов, указанных выше, и визуальной метафоры в исследовании Е. В. Черневич «Язык графического дизайна». Автор считает, что при создании коммуникации информацию необходимо передавать максимально точно и образно, применяя правильные соотношения «означаемого» и «означающего», позволяющие оценивать объекты графического дизайна как «визуальные тексты» [7, с. 16].

Синонимия, согласно Е. В. Черневич, соответствует «совпадению объёмов двух понятий», равнозначности [7, с. 45]. Метонимия – перенос по смежности, схожа с метафорой, однако является переносом по типу причина-следствие, субъект-объект, содержащее-содержимое и т. д. [7, с. 53]. Антонимия же – это «отношение контраста, когда два понятия имеют противоположные значения» [7, с. 58].

Визуальную метафору Е. В. Черневич определяет как перенос по сходству, реализуемый при условии, когда изображаемые объекты не являются его прямым содержанием. Семантические преобразования, представленные

в её классификации, стремятся к универсальным понятиям визуального языка и способны функционировать в качестве категорий, применимых во всех областях дизайна. Опираясь на труды вышеназванного автора, можно сделать вывод, что в метафоре заложена «возможность визуализаций таких изображений, которые сами по себе не являются видимыми», обозначая актуальную для дизайна проблему визуализации абстрактного содержимого, а также указывая на её решение: «Метафора и есть нахождение наглядного эквивалента для невидимых смыслов» [7, с. 52].

Исследуя природу визуальной метафоры, становится понятным необходимость её использования при проектировании объектов коммуникативного дизайна во всех его областях: реклама, инфографика, геймдизайн, айдентика, моушн-дизайн. В коммуникативном дизайне визуальная метафора может использоваться по-разному, например, для сравнения сходства двух различных понятий, либо передачи информации по образным признакам. Для некоторых проектируемых объектов коммуникативного дизайна, таких, например, как знаки навигации, интерфейсы, графики, пиктограммы, существует необходимость их мгновенного считывания потребителем, поэтому метафоры должны быть простыми и узнаваемыми. А для объектов рекламного дизайна или айдентики лучше использовать сложные и необычные метафоры, которые не только привлекут внимание, но и заставят задуматься, тем самым концентрируя внимание потребителя на этом объекте.

Процесс проектирования креативной визуальной метафоры требует повышенных усилий (как творческих, так и конструктивных) со стороны дизайнера. Нахождение общих признаков у разнородных предметов – сложная интеллектуальная задача, но только таким образом метафора будет осмысленной. Кроме того, сложность задачи дизайнера состоит в том, чтобы не превратить визуальную метафору в головоломку, которую потребитель не сможет понять,

поэтому ориентация на целевую аудиторию послужит тем граничным условием, которое сдержит полет фантазии дизайнера.

Роль визуальной метафоры в рекламном сообщении трудно переоценить, поскольку именно она обладает высокими коммуникативными и креативными возможностями.

Примером виртуозного использования визуальной метафоры в рекламной кампании является Unilever и созданная для них серия рекламных плакатов с логотипом, которые декларируют не только ценности бренда, но и отражают основные продуктовые сегменты бизнеса (рисунок 1). При этом разработчики рекламы применяют именно визуальную метафору, так как благодаря иллюстрации удаётся максимально точно и быстро донести абстрактный, ускользающий смысл рекламного сообщения.

Создавая образ и затрагивая воображение, метафора преобразует мир предметов в мир абстракций и смыслов. Метафора обладает не только эстетическими свойствами, воздействуя на эмоции, она создаёт коммуникацию с потребителем и становится инструментом, способным донести до целевой аудитории утилитарные преимущества товара или услуги.

Метафора также способна проявить то, что нельзя увидеть в предметном смысле. Например, с её помощью можно показать головную боль и сделать акцент на том, что она имеет одинаковую природу у всех людей в мире. В рекламе лекарственного средства Aspirin используется визуальная метафора: головная боль изображена в виде хоровода раздражённых людей – представителей разных наций. Слоган гласит: «У всех одинаковая головная боль!» [2, с. 146].

Визуальная метафора обычно передаётся графическим образом различного вида, который содержит большой объём информации, сгенерированной по принципам аналогии, сходства, сравнения.

Язык визуальной метафоры не ограничен, с её помощью можно обозначить любые события, состояния, чувства.

Рисунок 1 – Рекламные плакаты Unilever

Активно используется метафора при разработке логотипов, так как именно она позволяет передать потребителю информацию об уникальности и характеристиках организации. Р. Якобсон предлагает подробно проанализировать метафорические образы, ассоциирующиеся с компанией, для более точного понимания потребителем смысла то-

варного знака или логотипа [6, с. 210].

Ярким примером удачного логотипа может служить логотип облачного хранилища Dropbox (рисунок 2).

В логотипе использована метафора коробки, открытой для заполнения, что делает этот символ понятным для любого потребителя как места для облачного хранения любых файлов.

Рисунок 2 – Логотип облачного хранилища Dropbox

Другим примером использования метафоры в логотипе является ребрендинг сети Instagram. Первоначально, исходя из функций Instagram, который был простым приложением для редактирования фотографий, логотип представлял собой изображение фотокамеры, напоминающей Polaroid с радугой в левом верхнем углу. Преобразование Instagram в социальную площадку, интересную и для бизнес-сообществ, потребовало соответствующих изменений в логотипе, адекватных современной стилисти-

ке коммуникативного дизайна: радуга превратилась в градиент, изображение фотокамеры – в её абрис, объектив – в круг, а затвор – в точку (рисунок 3).

Новый логотип выполнен в минималистическом стиле, использование круга апеллирует к символу-архетипу человеческого коллективного бессознательного, подсказывая нам, что перед нами открывается сообщество. Скруглённые углы геометрических фигур вызывают чувство удовлетворённости и комфорта. Тем не менее стилизация

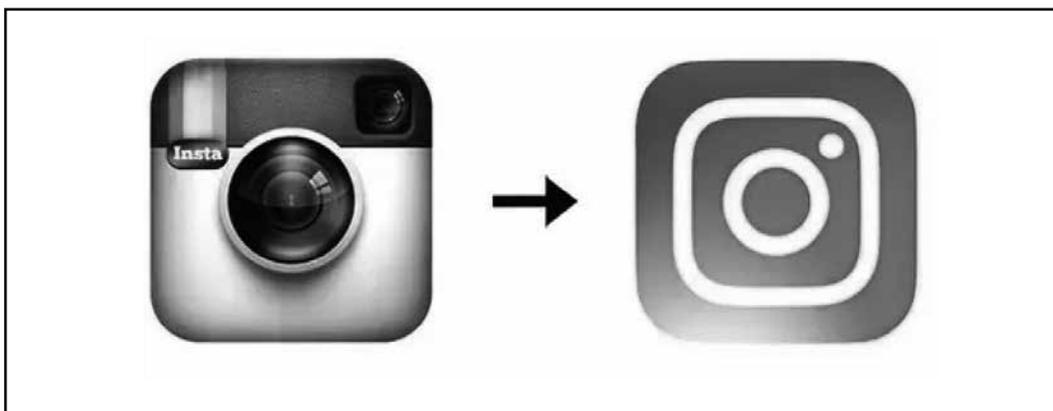

Рисунок 3 – Прежний и актуальный логотипы Instagram

формы фотокамеры подсказывает, что это сообщество связано с фотографией [5, с. 212].

Визуальная метафора играет особую роль в гейм- и анимационном дизайне, где необходимо обеспечить большую скорость коммуникативной передачи одновременно с полнотой информации.

Визуальный стиль в компьютерных играх включает: визуализацию игрового окружения и персонажей, спецэффекты, интерфейс, вступительную заставку, ти-

тры. Визуальная метафора используется на любом этапе проектирования игры: от концепции до локаций. Например, игра под названием «GRIS» от независимой команды испанских разработчиков «Nomada Studio» выполнена в невероятно красивой акварельной технике. В самом начале игры мир героини бесцветен и скучен, он утратил всё живое и яркое. Но постепенно он начинает вновь приобретать утраченные цвета – это и является метафорой концепции данной игры, по-

вествующей о триумфе восстановления жизни после трагической потери³.

Выводы. Таким образом, визуальная метафора является одним из самых распространённых приёмов проектирования в контексте коммуникативного дизайна, она широко используется как в рекламе, так и в дизайне логотипов и приложений, гейм-дизайне. Яв-

ляясь средством визуальной коммуникации с целевой аудиторией, метафора способна быстро привлечь внимание потребителя, передать достаточно большой объём информации и вызвать сильные эмоциональные переживания. Благодаря возможности переноса различных черт из жизни человека на утилитарную форму объекта, она позволяет вызвать обострённый интерес к вещи у потребителя, что позволяет оптимизировать коммуникативную функцию любого проектируемого дизайн-объекта.

³ Википедия Грис. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8e1e2098-63ff2dd4-e8e23065-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Gris_%28video_game%29#cite_note-21

1. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 190 с.

2. Давтян А. А. Создание визуальных метафор и демегафоризация как способы игры с потребителями рекламы / А. А. Давтян // Реклама. Теория и практика. – 2022. – № 2. – С. 138–147.

3. Жердев Е. В. Метафора в дизайне: теория и практика: дис. ... д-ра искусствоведения: 17.00.06 / Е. В. Жердев; Всерос. НИИ технич. эстетики. – Москва, 2002. – 253 с.

4. Исакова Е. М. Визуальная метафора и способы её идентификации / Е. М. Исакова, Н. Ф. Крюкова. – Тверь: Вестник ТвГУ. Серия: Филология (4). – 2021. – С. 95–100.

5. Калашникова Л. В. Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности (на материале художественных текстов): автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Л. В. Калашникова; Волгоградский государственный педагогический университет. – Волгоград, 2006. – 38 с.

6. Куликова Е. В. Логотип как основной смысловой элемент визуальной коммуникации бренда: анализ и интерпретация на примере Instagram / Е. В. Куликова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2018. – № 2 (28). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/logotip-kak-osnovnoy-smyslovoy-element-vizualnoy-kommunikatsii-brenda-analiz-i-interpretatsiyana-primere-instagram> (дата обращения: 21.02.2023).

7. Черневич Е. В. Язык графического дизайна / Е. В. Черневич. – Москва: Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики, 1975. – 138 с.

8. Hoffman R. R. What could reaction-time studies be telling us about metaphor comprehension? / R. R. Hoffman, S. Kemper S Metaphor & Symbolic Activity. – № 2 (3). – P. 149–186.

The article is devoted to the analysis of visual metaphor using in communication design. The visual metaphor is considered as one of the most important tool in creating advertising communication in logos, mobile and game designing. Visual metaphor attracts a consumer attention, affecting his imagination and emotions; and becomes an instrument that can present utilitarian advantages of a product or services to the target audiences.

Key words: communication design, visual metaphor, visual tropes, allegory, symbol, metonymy, homonyms and synonyms.

Сведения об авторах

Авдиль Ибраим Эннанович, аспирант 1-го курса направления подготовки «Культурология» ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Андрейченко Оксана Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Анохин Виктор Семенович, аспирант 1-го курса направления подготовки «Культурология» ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Бобовникова Ирина Антоновна, старший преподаватель кафедры музыкального искусства ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Добрынина Анна Ильинична, магистрант 2-го курса направления подготовки «Дизайн» ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Ибрагимов Эрнест Энверович, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Коваленко Анастасия Александровна, магистрант 1-го курса направления подготовки «Дизайн» ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Коноплева Анна Алексеевна, кандидат философских наук, доцент, заместитель начальника кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Краснодарского университета МВД России (Крымский филиал)

Котляревская Наталья Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой дизайна ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Марченко Эмма Сергеевна, магистрант 1-го курса направления подготовки «Филология» Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Матросова Инэга Григорьевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры дизайна ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Николаенко Николай Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологи и гуманитарных дисциплин ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Осипов Кирилл Артемович, курсант 1-го курса Краснодарского университета МВД России (Крымский филиал)

Петров Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Савичева Джемиле Эльдаровна, магистрант кафедры русской и украинской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Чепурина Инна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, начальник научного отдела ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Шилина Виктория Алексеевна, аспирант 3-го курса направления подготовки «Культурология», старший преподаватель кафедры философии, культурологи и гуманитарных дисциплин ГБОУВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Щербачук Лидия Фёдоровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Authors

Avdil Ibraim Ennanovich, the 1st-year postgraduate student of the direction of training «Cultural Studies», the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Andreichenko Oksana Ivanovna, the Candidate of Philological Sciences, the Associate Professor, the Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, the Crimean Branch of the Russian State University of Justice

Anokhin Viktor Semenovich, the 1st-year postgraduate student of the direction of training «Cultural Studies», the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Bobovnikova Irina Antonovna, Senior Lecturer of the Department of Musical Arts, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Dobrynina Anna Ilyinichna, the 2st-year master's student of the Department of Design, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Ibragimov Ernest Enverovich, the Doctor of Economics, the Associate Professor, the Head of the Department of Tourism, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Kovalenko Anastasia Alexandrovna, the 1st-year master's student of the Department of Design, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Konopleva Anna Alekseevna, PhD, the Associate Professor, the Deputy Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, the Krasnodar University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia (the Crimean Branch)

Kotlyarevskaya Natalya Vladimirovna, the Candidate of Pedagogical Sciences, the Associate Professor, the Associate Professor of the Department of Design, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Marchenko Emma Sergeevna, the 1st-year master's student at the Institute of Philology, the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Matrosova Ineta Grigorievna, the Candidate of Pedagogical Sciences, the Associate Professor, the Associate Professor of the Department of Design, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Nikolaenko Nikolai Vasilyevich, the Candidate of Historical Sciences, the Associate Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Humanities, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Osipov Kirill Artemovich, the 1st-year cadet, the Krasnodar University of the Ministry of the Internal Affairs of Russia (the Crimean branch).

Petrov Alexander Vladimirovich, the Doctor of Philology, the Professor, the Professor of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics of the Institute of Philology, the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Savicheva Dzhemile Eldarovna, the Master's student of the Department of Russian and Ukrainian Philology, the Crimean Engineering and Pedagogical University named after F. Yakubov

Chepurina Inna Vladimirovna, the Candidate of Philological Sciences, the Associate Professor, the Researcher of the Scientific Department, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Shilina Victoria Alekseevna, the 3rd-year postgraduate student of the direction of training «Culturology», the senior lecturer of the Department of Philosophy, Culturology and Humanities, the Crimean University of Culture, Arts and Tourism

Shcherbachuk Lidiya Fedorovna, the Candidate of Philological Sciences, the Associate Professor, the Associate Professor of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics of the Institute of Philology, the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Культурологические проблемы современного общества

А. А. Коноплёва, К. А. Осипов

Проявления контркультуры и антикультуры
в криминальных организациях
(на примере ЧВК «Рёдан» и «АУЕ»).....3

Н. В. Котляревская, А. И. Добрынина

Инновации в социокультурной системе
организации досуга молодёжи..... 10

Н. В. Николаенко, В. А. Шилина

Перспективы и особенности актуализации
историко-культурного наследия:
организация скансен-музея в Юго-Западном Крыму 16

Туризм в социокультурной сфере общества

Э. Э. Ибрагимов, И. Э. Авдиль

Культурное наследие как ресурсная база
развития туризма в регионе23

Э. Э. Ибрагимов, В. С. Анохин

Роль социокультурного потенциала
в развитии культурно-познавательного туризма.....31

Язык и культура

- О. И. Андрейченко, Л. Ф. Щербачук*
Фразеологическая репрезентация
природного кода культуры
(на материале русского и украинского языков).....40
- А. В. Петров, Д. Э. Савичева*
Образ Ассоль в повести-феерии
А. Грина «Алые паруса».....44
- И. В. Чепурина, Э. С. Марченко*
Идиоматичные производные
в художественной прозе В. И. Даля48

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- И. А. Бобовникова*
К истокам отечественной музыкальной культурологии:
Александр Николаевич Серов в Крыму54
- И. Г. Матросова, А. А. Коваленко*
Реализация визуальной метафоры
в контексте коммуникативного дизайна62

Сведения об авторах.....68

Authors.....70

Научное издание

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 33 (2023)

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *А. Н. Гладкая*

Подписано в печать: 13.04.2023
Формат 60x84 ¹/₈. Усл.-печ. л. 8,6
Тираж 30 экз. Заказ № 36
Бесплатно
Дата выхода в свет 24.04.23.

Адрес редакции
295017, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Киевская, 39
Тел.: +7 (3652) 27-64-58
E-mail: nauka@kukiit.ru

Адрес издательства
Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3,
тел.: +79788913701, e-mail: antikva07@mail.ru

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ИП Гальцовой Н. А.

Адрес типографии
295492, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908